

Белая и чёрная роза

Обычно на уроке географии была жуткая скукотища, Анна Сергеевна с напористостью и сердитым видом объясняла географическое положение какой-нибудь страны или города, а тут на неё будто нашло: такой доброй, интересной она стала – старенькая и маленькая, как мумий-тролль из мультика.

– Каждый из вас, ребята, вырастет и сможет уехать в Америку! В большую и великолепную страну звёзд, где раздают шоколад... Но это не главное! – она говорила тихо, широко улыбаясь, делая паузы, позволяя детям помечтать, представить яркие картины, увидеть себя на верху подсвеченной разноцветными огнями статуи Свободы, ощутить восхитительную скорость ветра, мчась на «Американских горках». – А знаете ли вы, дорогие, где сердце Америки? – учительница оглядела детей с восторгом, не мигали сквозь очки её большие голубые глаза.

В классе царил удивительная тишина, такая, что слышалось тревожное жужжание мухи на окне.

– В Нью-Йорке! – проговорила она с придыханием, словно сама скатывалась с этих огромных горок. – А чем ещё знамениты Соединённые Штаты Америки?

Занятие превратилось в увлекательное путешествие по прежде скучной теме.

Амина сидела, правильно положив руки на парту, внимательно смотрела на учителя и как будто улыбалась: хитро были сомкнуты её губы.

– Знаю! – тихо и удовлетворённо прошептала она, подняв руку первой.

– Да? – кивнув, спросила учительница.

– Белым домом, Сафари-парком, всего не перечислишь! – встав из-за парты, довольно ответила девочка.

Света, спрятавшись за широкую спину толстяка Ваньки Плеханова, восторженно наблюдала за ней и поражалась, как это можно так правильно

отвечать на каждом уроке и быть всезнающей. И математику Амина знает, и словарные слова пишет без ошибок, и делает на два урока вперёд в печатной тетради по английскому языку, и красиво поёт на музыке, и быстро бегает на физкультуре. Вот бы поехать с ней в Америку и покататься на горках!

В школе, на уроках и на переменах, подруга Амина становилась другим человеком. Мало шутила, почти не разговаривала, обращала внимание на Свету только, как Амина говорила, «по делу». Девочка будто перевоплощалась, и от прежней подруги оставались только тёмный цвет кожи, мраморно-белые зубы и сдержанная улыбка.

Красиво и гордо выделялся профиль Амины с остреньким подбородком. Чёрные волосы, чуть-чуть прикрывающие аккуратные уши, были заплетены в две косы белыми атласными ленточками. Сбоку её спокойное лицо казалось высеченным из тёмного и тёплого камня.

Взбудораживающе и долго звенел звонок. Из коридора донеслись голоса освобождённых детей. Первоклассников, второклассников.

– Я никого не отпускала, – предупредила Анна Сергеевна навязчивым тоном. – Записываем домашнее задание!

В прохладном, светлом и широком коридоре дети носились без усталости, визжали, толкались, кидались мячиком-прыгунчиком. Здесь царил неистовое веселье, дико-приятное возбуждение, хотелось подражать им и чувствовать свободу полной грудью.

– Света, за мной, – поманила Амина пальцем.

– Побежали к девчонкам, смотри, они играют...

Амина посмотрела на неё разочарованно и скучающе. Этого строгого взгляда подруга боялась. Забыв про весело визжащих девочек, она пошла за Аминой.

Они зашли в единственный тихий закуток – в чёрную комнату со сломанным выключателем света, где техничка набирала воду.

– Сегодня пойдём на пилораму, там есть классное место! – влажно сверкая, чёрные глаза Амины расширились, стали огромными, точно глаза русалки с картинок в учебнике чтения.

– Там ведь цыганки! – испугано бросила Света. – Побьют!

– Дам тебе флакончик духов, знаешь, какие ароматные, ими моя мама пользуется, пойдём, – вкрадчиво предложила Амина, нежно коснувшись руки подруги.

– Ладно, – согласилась Света.

– После школы через двадцать минут у колонки.

Света предвкушала, как ощутит потрясающий аромат духов Амины и станет взрослей.

Забежав из школы домой, Света бросила портфель, переделалась и вышла снова. Заканчивался май, солнце после обеда светило ярче. Ей не терпелось увидеть лучшую подругу. Амина была для неё всем: и воздухом, и пищей, и солнцем, и теплом... чем-то ошеломляющим – тем, что девочка не могла объяснить. Умная, всегда сосредоточенная, сдержанная, молчаливая в школе, Амина менялась на улице.

Большая лужа воды, разлившаяся вокруг колонки, поблёскивала на солнце. Слабо и приятно пахло сиренью и дымом далёкого костра, наверное, горевшего возле котлована...

«Как здорово бы искупаться вместе с Аминой», – подумала Света, скучая на колонке. Воробьи кричали на диких яблонях, растущих вдоль изгороди бревенчатого частного дома. Старик со звяканьем прикатил алюминиевую флягу, шумно набирал воду.

– Ждёшь кого-то? – спросил он глухо, жуя слова.

– Да, – весело ответила Света, улыбнувшись. – Подружку.

– Я тоже ждал... и дождался... отправили за водой! – прищурившись, он расхохотался писклявым старческим смехом. Рот его оказался похож на чёрную дыру, которую однажды девочка видела в фильме.

Поглядев на мощный поток воды, Света почему-то решила, что хочет кушать. Заурчало в животе, наверняка, после прогулки пойдёт к Амине домой.

– Бывай, девчушка, – старик махнул жилистой рукой и медленно покати́л флягу обратно.

– До свиданья, дедушка.

Амина показалась изда́лека, прямо от ворот светло-коричневого коттеджа, где жила с мамой и папой. Теперь на ней не было ни школьной юбки, ни бледно-синих колготок, ни алого бантика. В жёлто-фиолетовой кепке, оранжевой футболке и джинсовых шортах она неторопливо шла по обочине грязной дороги. У неё на груди лежала смоляная коса, заплетённая ярко-зелёной лентой. Выскочив из соседних домов, к ней присоединились две шумные девчонки. Маша и Айгуль. Они из параллели. Но не сказать, что их общество Света одобряла. Когда девочки гуляли вместе, Амина слушала не только её, но их тоже, а это иногда раздражало и обижало. Нахмурившись, Света наблюдала их приближение с тайной ревностью. Маша, забега́я вперёд, сосредоточенно выдувала большие мыльные пузыри. Медленно опускаясь на грудь и руки девочек, они исчезали. Маша, передав красно-синюю баночку Айгуль, носилась вокруг Амины и, подпрыгивая, ловила пузыри.

– Что значит: «может, не пойдём»? – недовольно и громко переспросила Амина. Она укори́зненно зачмокала языком. Так она делала в первый раз. Как это было по-взрослому!

– Ладно, ладно, – с нескрывае́мым недовольством согласилась Маша, разочарованно посмотрев на Айгуль. Ведь та не поддержала Машу, когда Света напомнила про цыганок, которые только и делают, что издеваются над детьми.

Пухлые губы Амины поблёскивали малиновым, мерцая, переливались на них серебристые точки. От подруги великолепно пахло дынным ароматом с примесью цитруса и чего-то ещё. На запястье правой руки зеленел тонкий

браслетик. Такой можно купить в магазинах сотовой связи. Амина демонстративно вытянула правую руку и спросила:

– Как вам?

– Здорово, Аминочка! – восхитилась Света, осторожно коснувшись пальцами его гладкой резиновой поверхности.

– У меня их пять, – с удовольствием хвастуны произнесла Амина. – Как вернёмся, подарю вам.

– О-о, – обрадовалась Айгуль. – Синенький есть?

Амина кивнула важно и гордо, будто стала старшей в их компании. Она одухотворённо посмотрела на забор из бетонных плит и ускорила шаг, словно намереваясь пройти сквозь него. Как властно она сейчас выглядела! Хотелось быть с ней и подчиняться. Возле забора – проложены большие трубы теплотрассы. Амина с разбегу заскочила на них, позвала девочек. Те не отставали: им нравилось подражать ей. Забравшись на теплотрассу, они глянули за забор. Их пытливым взорам предстало крупное строение со множеством пристроек и огромной каменной трубой.

– Перелазим! – скомандовала Амина. – Кто быстрее? – черты её лица стали резче. На миг Свете показалось, что подруга рассердилась.

Ринувшись вверх, Света закричала. Первая перелезла через плиту. Не беда, что поцарапала ногу о камешки, торчавшие из плиты, главное – не подвести подругу.

– Подожди нас, – раздосадовано попросила Маша.

Прямо под ними пестрела куча поролона и сверкала стекловата.

Амина прыгнула с плиты, мягко приземлилась на кучу. Она захохотала, подлетев, как мячик. Следом прыгнули Света и Айгуль. Маша, повиснув на плите, спустилась не как крутая девчонка, отбила ступни. Сконфуженно озиралась по сторонам, сжав губы, делала вид, что ей не больно. Амина, широко расставив ноги, повела взглядом с надменной самоуверенностью, в её расширившихся зрачках мелькнуло торжество. Она махнула рукой в сторону железной дороги, по которой, застучав колёсами, пошёл поезд:

- Обойдём гаражи, там должна быть огромная куча опилок!
- Наверное, ими топят печку, если из той здоровенной трубы идёт дым?!
- восторженно предположила Света в надежде на похвалу, но Амина украдкой кивнула и молча повела отряд дальше.

Амина походила на героиню фильма «Лара Крофт – расхитительница гробниц» – такой независимый был у неё вид, и так резко и чётко двигала она руками и ногами.

Между обшарпанным зелёным гаражом, сваренным из прямоугольных кусков железа, и квадратной будкой – пустой кирпичной сторожкой – виднелся тёмный проход. Он оказался завален всяким мусором. Мазутные тряпки, мерзко пахнущие, разрезанные канистры из-под машинного масла, чёрные масляные фильтры от автомобилей – всё это приходилось торопливо переступать, чтобы поспеть за Аминой. Шагая за лучшей подругой, Света представляла, что, когда вырастет, обязательно станет жить с ней, и они будут находить интересные места вдвоём. Она вдохновенно глядела ей в спину и радовалась, что следует именно за ней, идёт второй, а не последней, как Маша.

Они вышли к эстакаде. Из-за высоких деревьев солнце сюда почти не проникало, поэтому здесь стоял неприятный холодок. В большой луже плавали пёстрые пятна мазута, торчали разбитые пластмассовые коробки с какими-то детальками. На стенах металлических гаражей вокруг эстакады чернели разные надписи. Их содержание вызывало дрожь. Амина остановилась, выбирая куда пойти. Она внезапно улыбнулась, сверкнули иссиня-белым жемчугом её красивые зубы, а браслетик на её руке излучал фосфоресцирующее сияние.

– Не помню, куда идти, давайте поделимся! – предложила она с безучастным видом.

– Я с тобой, – сразу сказала Света, обняв подругу. Кожа оголённых плеч Амины была прохладна и гладка, словно мрамор. Медленно поцеловав Свету в щёку, Амина указала Маше и Айгуль на другой ход между гаражами.

По крыше гаража громко стукнул камень, затем прилетел второй, а россыпь, с грохотом скатившаяся вниз, чуть не попала в девочек. Раздались многоголосый хохот, крики и визг. Послышалась противная певучая цыганская речь:

– Мэ-нэ-нэ, гэ...

Ни Света, ни Маша не понимали этот сумбур. Да и Амина с Айгуль мрачно вслушивались, думая, куда им бежать. Цыганки как будто нараспев решали судьбы попавшихся в их сети. Собралось их не меньше десятка. Успели ли окружить? Один вопрос мучил девчонок. Точнее, Свету и Машу – они почему-то волновались больше Амины и Айгуль.

– Туда! – указала Амина на брешь между гаражами.

Вчетвером девочки по очереди протиснулись в неё, быстро двигаясь боком. Часто билось сердце Светланы, кровь стучала в висках. Кроме чёрной косы Амины и её сверкавших в полумраке зелёно-синих сандалий, Света ничего не видела. Вот-вот цыгане поймают их, если не зарежут, то заберут одежду и побьют. Сколько раз она смотрела по телевизору, как пропадают дети, а милиция с трудом находит преступников. Не страшно, ведь есть лучшая подруга – она поможет сбежать.

– Маша, скорей, – Света посмотрела назад. Но Айгуль бежала без оглядки, чернело углем её испуганное лицо.

– Машка? – наконец обернулась Айгуль. Но девчонка пропала, будто растворилась во мраке гаражей. – Через другой ход побежала.

Выбравшись на светлое пространство пилорамы с кучами опилок и открытыми контейнерами, Света и Амина вдруг поняли, что бежать не имело смысла. Их окружили, причём хитро. С выходов из пилорамы, крича неведь что, неслись навстречу цыганки. Мелькали их пёстрые одежды и в гаражах – оттуда больше всего доносилось злых и непонятных голосов. Айгуль, остервенело уставившись на Амину, бросила:

– Ты привела сюда!

И повернула назад.

– Ай! Больно ведь! – вдруг съёжившись, Айгуль заплакала. Слезы стремительно покрыли её щёки, блестели на глазах. В сумраке между гаражей мокрая кожа её лица казалась синей, как будто она умирала.

– Вставай, дрянь... пошла, а то камнем врежу! – пригрозила цыганка. Она вывела Айгуль на свет, следом притащили из гаражей и заплаканную Машу.

Амина не волновалась. Девочка смотрела беспечно и даже испытующе. Не боялась ни высокую цыганку в длинной разноцветной юбке, ни толстячку в платке, ни множество других девиц.

– Чо пришли? – кинула злобная высокая цыганка, шлёпнув Машу по спине. – Пинков получите! Мы вас убьём!

– Саля, врежь им! – расхохоталась толстячка грудным мужским басом.

Саля, высокая и худая цыганка, похоже, была у них главной, если остальные молчали и внимательно слушали. Толстячка ухмылялась, расплылась в мерзкой улыбке её пухлая, точно надутая морда. Света с удивлением заметила, что у неё росла щетина на щеках и на подбородке, или, может, она просто вымазалась смолой. Нет, такая кабаниха без щетины быть не могла!

– Повели их! – приказала Саля, крепко держа всхлипывающую Машу за плечо. Потом отпустила и показала красные отпечатки своих пальцев на незагорелой коже девочки. Страх сковал Свету, и слушаться хотелось беспрекословно.

– Отвали, цы-ган-ка!.. – жалобно протянула Маша, сморщившись сильнее.

Процессия двигалась вдоль гаражей. Цыганки чувствовали собственное превосходство. Толкали Машу, обзывали Свету, пошлёпывая по спине, но Айгуль и Амину за руки не держали. Амина шла так легко и свободно, будто продолжала прогулку. Наконец Свету и Машу поставили возле облитой мазутом стены гаража. Цыганки смотрели на них взглядом высокомерным и диким, не знающим сострадания. Высокая Саля чёрными длинными худыми

руками проделывала всякие неприличные жесты, улыбалась широко, сверкая белыми маленькими клыками. Вызывала протяжный смех у своих приспешниц, которые говорили на непонятном цыганском языке и показывали пальцем на девочек, похохатывая, вульгарно пританцовывая, как в индийских фильмах. Толстячка тоже растягивала углы мерзких губ, арбузом выпирал её живот под белой футболкой. Казалась всё более неприятной её морда, круглая, точно бубен. Лоснились щёки – то ли от пота, то ли от сала, выступившего в порыве радости. Света чувствовала себя загнанным зверем, так быстро и гулко билось сердце. Терзал страх – недаром их поставили возле гаража с такими плохими надписями. Маша продолжала всхлипывать, не поднимая глаз. Сейчас их задушат и утопят в глубокой луже, где затонули пластмассовые коробки.

– Что? – Саля уложила подбородок на пальцы своего правого кулака. – Боимся? Зачем пришли? Это наша территория! Никто вам не говорил, что здесь нельзя гулять?

– Говорили, говорили, – начала сбивчиво Маша, подняв вспухшие от слёз глаза. – Больше не будем, честное слово.

Казалось, от жалобного тона, которым говорила подруга, цыганки только больше веселели. Искры злобного торжества мелькали в чёрных глазах Сали, она быстро подошла к Свете и с укором спросила:

– А ты почему не просишь пощады?

Та пожала плечами, поймав осуждающий взгляд главной цыганки. За ними внимательно наблюдала Амина. Какой-то интерес и восторг читался на её взволнованном лице. Конечно, она переживала за подругу, но переживала с противоречивым чувством, такое неопределённое выражение хранило её лицо, Амина словно ожидала, чем закончится это представление. Не в силах помочь, лучшая подруга зашевелила губами и незаметно кивнула: мол, потерпи. Ради лучшей подруги Света была готова вынести издевательства.

– Снимай одежду! – приказала Саля, искорки удовольствия мелькали в её прищуренных глазах. Она сильно шлёпнула девочку по ягодице. Света

вздрагнула, стиснув зубы. Она не отводила умоляющего взгляда от Амины, будто подруга могла помочь.

– Злишься? – визгливо спросила толстячка. – Кто хочет их побить?

Несколько цыганок проигнорировало вопрос толстячки. Саля, покачивая головой, заставила снимать одежду и Машу. Дрожа, Маша стянула футболку, прижала к себе.

– Я вам отдам пузыри, только не лезьте! – Айгуль взмолилась, вытащив пластмассовую баночку из кармана шорт.

Толстячка забрала «пузырницу», наградив девочку оплеухой. С удовольствием поднеся Сале, продолжала злорадно улыбаться. Некоторое время цыганка пускала пузыри, они летели на дрожащих девочек, поблёскивая ярким фиолетовым светом. Маша осталась без футболки, а Свету заставили раздеться полностью и передали одежду на хранение Амине. Сконфуженная Света свела колени, она будто отупела. Амина вместе со всеми смотрела на неё и, прикрываясь ладонью, неслышно похохатывала. Саля подскочила к Свете. Встав сзади, повернула её боком и несколько раз демонстративно ударила по ягодицам. Света заплакала, а Саля недовольно повела головой, гаркнула, как ненормальная, и заставила её нагнуться.

– Ссы в лужу, дура!

Внимательно смотрела Амина, ожидала сконфуженная Айгуль.

В глаза Свете ударил яркий свет фар, раздался громкий длинный гудок. Приближалась машина. Из окна высунулась голова.

– Что делаете, зверята? Ну-ка, вали отсюда, пока не набил!

Цыганки опешили, заголосив. Сорвалась бежать Саля, за ней косолапо понеслась толстячка. Кто-то споткнулся, наступив на юбку, плюхнулся в лужу. Света резко поднялась и поняла, что спасена. Приняв одежду от Амины, быстро оделась.

– Не лазьте тут, – предупредил мужчина, вышедший из машины. – Цыганва – зараза, что попало творит. Прошлый раз моя дочь пожаловалась на них. Не поранили?

– Нет, – ответила Света. – Спасибо вам!

– Не за что, – отмахнулся он и снова залез в машину.

Маша и Айгуль незаметно покинули подруг.

Через несколько минут Света, надув губы, возвращалась домой. Молчала, не обращая внимания на подругу. Она не сделала ничего плохого, но остался неприятный осадок, точно от брошенного в ручей камня, взбаламутившего воду на дне. Амина ласково обнимала её за плечо, успокаивала, лепеча вкрадчивым голосом, – как ребёнок, которому нужно внимание взрослых. Уговаривала и, наконец, поцеловала в щёку. Вдруг Света смягчилась, перестав обижаться.

– Да ладно, – мило улыбнулась Амина. – Забрали «пузырницу», Айгуль побила толстячка. Забудь, я тебе обещала флакон отдать... Подарю ещё браслетик, смотри, как он классно сидит на моей руке? Ты ведь есть хочешь наверняка. Пойдём ко мне!

Главное, что цыганки отстали, и они снова вместе. Света не сердилась на лучшую подругу. Амина заботливо стёрла платочком след от помады на щеке девочки. Хорошо, что Амину не тронули и не заставляли ничего делать, иначе Света усомнилась бы в ней. Амина как-никак постарше её и повыше ростом.

Дома у Амины – никого, здорово.

– Гав, гав... – двор охранял огромный кавказец с глазами, похожими на большие оливки. Сначала он чуть было не оторвал будку, не разорвал цепь, когда Амина открывала дверь. Но потом притих и сел на задние лапы, высунул бледно-розовый язык. Устрашающий вид собаки совершенно не совпадал с добрым нравом. Было приятно гладить её серую шерсть и трепать за тёмную шею. Во дворе стоял красивый красно-жёлтый велосипед, украшенный разными наклейками.

– Прокатимся позже, – пообещала Амина.

Подруга жила в большущем двухэтажном коттедже. Прямо перед входом на зелёном ковре лежал на боку толстый персидский кот. Вытянув

большие и пушистые передние лапы, он зевнул, смешно исказилась его усатая морда. Света восторженно потрогала его белый, мягкий и тёплый живот. Кот по имени Леська перевернулся на спину и прищурился от удовольствия, заурчал.

Девочки поднялись на второй этаж – в комнату Амины с отдельной душевой и туалетом. Она упала на свою широкую кровать ничком и зажмурилась.

– Что с тобой? – с наигранной опаской спросила Света, взяв её за плечи.

Амина быстро повернулась и завалила подругу на кровать. Нависнув, глядела Свете прямо в глаза. Её коса свалилась на нос подруги, и Амина счастливо засмеялась.

– Ты кушать хочешь, – вспомнила Амина. Она задрала футболку и попросила поцеловать её в живот. Живот был гладкий, с красивой крохотной родинкой возле пупа, и смуглый, как будто шоколадный. Цвет кожи нравился Свете невероятно. Иногда она мечтала быть одного цвета кожи с подругой. Почувствовав поцелуй, Амина вздохнула, довольным стало её лицо. Стерев помаду со своих губ платочком, она приподнялась и тоже сделала несколько долгих поцелуев Свете, но в лоб. Младшей подруге было приятно, но её обуяла непонятная тревога, как будто она совершала что-то постыдное. Света не могла определить причину глубокого волнения, но вдруг ощутила себя настолько слабой, что захотелось броситься к ногам Амины и попросить прощения за то, что посмела сомневаться в её силах, когда осталась без одежды в гаражах.

– Поиграй пока, – предложила Амина, рывком соскочив с кровати. – Приготовлю что-нибудь, сама проголодалась.

Как здорово! Свете отдали игрушки Амины, плюшевые и такие большие. Вот она радостно обняла серого слона, помотив его за хобот. С тихим визгом восторга легла на трёх ярких животных: тигра, льва и медведя. А сколько кукол в коллекции подруги! Целый трёхэтажный дом-конструктор! Три семьи Барби.

Один только плазменный телевизор занимал едва ли не половину стенки. Включив его, Света с трудом нашла режим видео. Схватив аналоговый джойстик одной рукой, второй выбирала диски из коробки. «Симс», «Синглс», «Кроко»* – любимые игры девочек. Жутко хотелось поиграть в приставку «Sony Playstation 3».

– Светка, иди сюда, готово!

Нехотя отложив джойстик, она спустилась в столовую. За стойкой, которая отделяла кухонную зону от обеденного стола, стояла подруга. Амина подогрела в сковороде кальмаров и креветок, немного брокколи, приправленной пахучим соусом.

– Угощайся, блюдо называется «Морской бриз», – пригласила подруга.

– Никогда не ела ничего подобного.

– Ещё кунжутная лепёшка, их печёт моя мама.

Амина, как опытная хозяйка, кипятила чай. На кухне пахло так вкусно, что живот моментально вспомнил о своей пустоте, заурчал. Незаметно появился на кухне и кот. Высоко стоял его пушистый хвост, а сам он глядел так умилённо и вопрошающе, что захотелось накормить сначала его.

– Классно, как... ай! – Света, замерев, широко раскрыла рот. – Горячее!..

– Если честно, креветки надоели уже, – отвлекаясь на ластившегося кота, призналась подруга.

Наколов вилкой несколько креветок и кальмаров, Амина стала медленно дуть на них. И с интересом смотрела на подругу, которая жадно поглощала еду, – так ладно работали Светины челюсти. Заговорило серебристое радио на столе, настроенное Аминой. Сообщали погоду: завтра передали дождь.

– Завтра не погуляем, что ли? – раздосадовано спросила Света. – После школы?

* «Sims», «Singles» – ролевые игры, симуляторы реальной жизни в обществе со всеми возможными отношениями. «Сросо» – главный герой игры, маленький крокодил, который спасает сказочные миры.

– Смотри когда дождь закончится, – с видом знатока-метеоролога ответила Амина. – И вообще: будет ли он?!

Наевшись и накормив кота, девочки сели за приставку. Играть в «Симс» сразу вдвоём невозможно, поэтому играли в боевые симуляторы. Света проигрывала, каким бы ни управляла персонажем и самолётом. Ей стало обидно, что не умеет играть как следует. Девочка, отложив джойстик, насупилась. Амина тут же пожалела её, пообещав научить приёмам да разным «финтам» и «трикам».

– Завтра после обеда ко мне придём, научу! – обещание Амины бальзамом легло на душу подруги. Света обрадовалась и принялась играть с новой силой.

На следующий день Амина не пришла на первый урок. «Что случилось?», – думала Света с тревогой. Амина никогда не опаздывала. Но и на втором уроке её не было. Заканчивается четверть, сегодня – контрольная работа по математике, одна Света не справлялась. Может, сейчас подруга появится?

– Что сидишь, Света? Начинай работать, – спокойно посоветовала Анна Сергеевна. Но в её внимательном, вопросительном взгляде Света увидела укор: мол, не у кого списывать... Куда пропала Амина? Мы ведь после школы собирались поиграть и покататься на роликах. Обманула... обман... как это противно, когда обманываешься в своих ожиданиях. Нет, лучшая подруга не могла так сделать! Она всегда делилась сокровенным, рассказывала обо всём. Даже когда старшая сестра запретила Амине дружить со Светой, Амина не послушалась.

В напряжённой тишине, воцарившейся в классе, Света с трудом решила примеры на деление и умножение. Задачи невозможной для Светы трудности обычно незаметно для учителя делала за Свету Амина. Но теперь её нет. Может, заплакать, и тогда станет легче? Нет, не поможет. Вот, учитель отвернулся, что-то пишет на доске. Света медленно повернулась к Арине, девочка, не поднимая головы, пододвинула к ней тетрадь с решением первой

задачи и вдруг вздрогнула. На них пристально и осуждающе глядела Анна Сергеевна. Как она успела заметить, она ведь была поглощена записью на доске?

– Одно замечание и забираю тетрадь! – монотонно пригрозила Анна Сергеевна. И снова продолжила писать на доске, готовая обернуться в любую минуту.

Только одна мысль пробивалась сквозь оцепенение, в котором находилась Света: «Как решить задачу?». С горем пополам, с такими усилиями, что заболела голова, она справилась. Обрадовалась, оживившись, быстро записала данные второй, невероятной и космически-сложной. Поняв, что не сможет сделать без помощи, всё-таки расслабилась – на «тройку» она накропала.

Прозвенел звонок. Ученики сдали работы. Анна Сергеевна, убрав стопку тетрадей в шкаф, торопливо писала мелом на влажной доске. Писала дату и тему урока: «Подготовка к диктанту».

В коридоре шумно резвились Маша и Айгуль. Они кружились, как сорванные ветром листья. Держась за руки, хохотали и звали кружиться с ними. Им было так хорошо, что они не заметили, как робко подошла Света.

– Девочки, привет! – помахала она рукой, широко улыбнувшись.

– О-о, Света, давай с нами! – позвала Маша. – Держись за руку.

Подружки втроём закружились возле окна.

– Где Амина? – спросила Света.

– Она разве не говорила?! – громко ответила Айгуль, перекрикивая шум.

– Она в лагерь уехала, в Геленджик, диктанты и контрольные написала неделю назад.

Отпустив руку Маши, Света молча отошла к стене. В груди будто разлили противную, едкую жидкость. Захотелось спрятаться в тёмную комнату и никого не видеть. Лучшая подруга не предупредила об отъезде, как она могла?

Раздался звонок.

Анна Сергеевна имела удивительную способность управлять мыслями учеников. На целых сорок минут она заняла Светину голову разбором слов по составу, частями речи и пунктуацией при однородных членах.

На следующий день прошёл диктант, пролетел этот самый урок, на котором учитель спрашивала разные правила, страшный... Анна Сергеевна называла его «зачёт».

Пустовало место Амины, наводившее скуку на Свету. Червь обиды ещё жил в её маленькой душе – как можно было уехать и не предупредить лучшую подругу? Последние уроки мало значили, это понимали и дети, и педагог, поэтому Анна Сергеевна больше обращала внимание на отстающих. Света в их число попадала. Бывало, положит подбородок на сложенные на парте руки и вот-вот заснёт. Однако классный руководитель отбивала желание томиться в полудрёме. На русском языке Анна Сергеевна грозила проверить упражнения, на математике – ответы и ход решения, на чтении – спросить прочитанное.

После уроков гулять с Машей и Айгуль – то же самое, что бродить одной. Те больше говорили друг с другом и почти не слушали. Быть «хвостиком» или чем-то лишним – жуть как не хотелось. Поэтому чаще Света выходила гулять одна. Раскачивалась на качелях сильно, иногда так, что захватывало дыхание. Качалась долго, представляя себя птицей, которая каждый раз улетала в небо и спускалась обратно на землю. Далеко Света не уходила – неинтересно гулять одной далеко. Пройдётся до забора жилищной конторы и возвращается домой, помогает маме по хозяйству. Несколько дней папа не появлялся дома. Мама отвечала, что он устроился на работу на севере и зарабатывает для семьи, но говорила об этом так грустно, что, казалось... нет, Света не думала плохого об отце.

– Мам, папа скоро вернётся? – грустно спросила Света. – Я тут нарисовала для него! Смотри: это ты и папа, а вот я!

– Свет, помоги лучше, – отмахнулась мама. – Сегодня издалека приедет дядя Лёша, веди себя хорошо. Он что-то привезёт. Любишь торт?

– Да, люблю! Кто он?

– Друг семьи, работает на заводе инженером, – мама отзывалась о нём с теплотой и весело, будто он по-настоящему был старым другом и хорошим человеком. – Иди-ка лучше молочка попей, что-то ты кашляла сегодня ночью, не хватает заболеть.

Мама нагрела молоко. Наполнив стакан, бросила в него кусочек сливочного масла. Растаяв, оно превратилось в бледно-жёлтую кляксу. Пахло вкусно. Уговаривая дочь, мама ласково зашептала:

– Уходи, невзгода, приходи, радость.

Напиток и вправду успокаивал. Такое нежное и приятное молоко приготовила мама.

Когда Света сидела дома, она мастерила фигурки из жжёных спичек. Специально для дочери спички «заготавливали» и мама, и папа. Отец приносил их с работы целые кучки – уговорил мужиков не выбрасывать использованные, а складывать в специальную коробочку, которую смастерила Света. Папины сослуживцы охотно помогали собирать материал для поделок.

Способность мастерить открылась в девочке не сразу. Замечая, как ученица ловко лепила, клеила и конструировала, учитель изобразительного искусства помог развить талант. Оказалось, что больше всего нравилось Свете работать со спичками. Из них она замечательно делала разнообразные домики, а ещё корабли и фигурки животных. Родители едва успевали снабжать девочку спичками да клеем.

– Какая ты у меня одарённая! – хвалила мама. – Остальные на улице гуляют, ничего им не надо, а ты строишь и строишь. Откуда столько рвения?

Накладывая одну спичку на другую, Света подсознательно чувствовала, что движется к чему-то светлому. Хобби спасало от пустого времяпрепровождения.

Гости и соседи изумлялись таланту Светы.

– Запишите в кружок какой-нибудь модельный, – добродушно посоветовала соседка. – Потом недолго и на выставку попасть!

Закончилась последняя четверть. Заполнены клеточки годовых оценок. Не сказать, что Света радовалась своим результатам, но и не переживала. Наконец-то – три месяца каникул, долгожданное счастье свободы. В душе царила невыразимая радость. Теперь из-за коричневых, серых и тёмно-зелёных частных домов бледно-синяя школа казалась каким-то отдалённым и чуждым замком.

Стояла жара. Сидеть дома в такую погоду – жуткое время даже со спичками. Гуляя на улице, Света увидела одинокую Машу с пакетом. Девчонка шла на котлован. Позвала:

– Свет, пошли купаться?

– Не знаю, у мамы надо спросить, – пожала плечами Света.

– Ну, спроси. Там купается много ребят с родителями!

Всё-таки здорово, что мама уезжала в парк с дядей Лёшей. С ним она выглядела веселей, её почти не пришлось уговаривать.

– Мам, мы с Машей, – радостно сказала Света. – Там ребят много из школы, с родителями.

– Только далеко не заплывай! – пригрозила пальцем мама.

– Хорошо.

На котловане подружки встретили Айгуль. Оказалось, что к ней приехали родственники, и поэтому она не могла пока гулять с Машей. Ничего, без Айгуль дружить с Машкой намного лучше – она внимательно слушала Свету и смеялась над шутками.

На другом берегу водоёма появились цыганки. Несколько девиц, хохочущих и «нэнэкающих» на своём тарабарском языке. Саля, разбежавшись, прыгнула в воду. За ней неуклюже рванула толстячка: её жирные, двигающиеся бока висели как нечто инородное, ненужное и мешающее. Сначала девочек обуял страх, повисло в прохладном воздухе над водой смутное ожидание беды, они побоялись заходить в котлован: вдруг

поймают и утопят. Но страх пропал, когда они увидели загорающих родителей Толи Скобяного. Папа Толи помахал им рукой, указав, где плавал его сын. Толя, выбравшись на островок в камышах, подпрыгивал и что-то кричал в компании с другом. Успокоившись, девочки присоединились к Айгуль и познакомились с её взрослой двоюродной сестрой – Зариной. Свету поразили длинные крепкие руки новой знакомой. В ярком свете дневного солнца они темнели, точно шоколад. На среднем пальце левой поблёскивало золотое кольцо, а запястье правой охватывал тонкий резиновый браслетик, малинового цвета: его дают в салонах сотовой связи и такой носит Амина. Вот дела! Свете стало не по себе. Она долгое время не думала о подруге. Неужели забыла её? И вдруг Амина, вернувшись, тоже позабудет о ней? Не будет, как прежде, всюду брать её и делиться сокровенным. Света находилась в смятении. Подул ветер, наморщив серо-зелёную гладь котлована. Внезапно стало холодно. Света робко подняла глаза на новую старшую подругу. Её властный, но не надменный, как у Амины, а добрый, взгляд воодушевлял. Она будто подбадривала им, неслышно подсказывая: давайте играть и веселиться. Зарина подплыла к Свете. Нащупав её ноги, взяла ступни и подбросила девочку. Перехватило дух, счастливым и прекрасным показался этот миг в воздухе. Плюх – и Света захохотала, набрав воды в рот.

Вместе они плескались, хохотали, визжали, брызгались, играли в русалок, соревновались, кто дольше задержит дыхание под водой. Зарина подбрасывала девочек на глубину, играла в «спасателя»: быстро подплывала и «спасала», вытаскивая на берег.

– Сердце не бьётся, откачиваем! – на берегу Зарина проводила «спасённому» специальную гимнастику, которой научилась у отца. – Слегка нажимаем на грудь двумя руками. И раз, и два, и три. Потом поворачиваем на бок!

Она плавала быстро, почти как мальчики. Никто из девчонок не мог перегнать её. И раз – Зарина на островке в камышах, но никого не зовёт,

руками не машет, знает, что побоятся плыть. И два – выныривает рядом с Айгуль, это сколько она может находиться под водой? Вдруг она девочка-амфибия? После просмотра фильма «Человек-амфибия» каждый мечтал стать Ихтиандром.

Накупавшись, загорев, девочки возвращались, не торопясь. Так получилось, что цыганки шли недалеко от них. Но ни одна из чёрных девиц не закричала: они только молча оглядывались, бросая осторожные взгляды. Зарина вызывала уважение, с ней Света, Маша и Айгуль чувствовали себя в безопасности.

– Знаешь, как мы школе бесимся? – с восторгом рассказала Айгуль. – Берёмся за руки и кружимся! Такой шум стоит, что ничего не слышно, приходится орать вот так... – Айгуль, широко открыв рот, закричала искажившимся голосом.

Зарина сдержанно посмеялась, покачав головой. Затем будто стала другой, её мысли заняло что-то серьёзное и неотложное. Света, Маша и Айгуль продолжили делиться вспыхнувшим весельем.

Дома никого, мама ещё не пришла. После воды очень хотелось кушать, и Света, обнаружив закрытую крышкой сковородку, облизнулась, точно кошка. Наевшись жареной картошки с кусочками сосиски и напившись молока, Света отдыхала на диване. Телевизор смотреть было неинтересно, почему-то на неё накатила тоска. Вроде и покупались здорово, и поохотали, а скука мертвецкая. Вот бы поиграть в приставку «Сони 3», в «Симс» или «Синглс», подраться, в конце концов, в «Смертельную битву», по-английски Амина называла её «Мортал Комбат»: там восхитительные бойцы-женщины в необычной одежде. Света даже согласна проигрывать всё время, но лишь бы держать джойстик и нажимать кнопки. Да, мама не купит приставку, наверняка очень дорого.

Взяв фотоальбом, Света внимательно рассмотрела девочек и мальчиков своего класса. Остановила взгляд на улыбающейся Амине, жмурящейся от удовольствия, словно от солнца. Уже тогда в её подруге сквозило нечто

великолепное и притягивающее, то, что стало важным, без чего Света не признавала никаких других лучших подруг, кроме Амины. В тоске и странной тревожной зыбкости Света легла и закрыла глаза. Откуда ни возьмись камнем навалилась усталость, но не приятная, как после тяжёлого труда, а тяжкая и щемящая в груди. Оставалось переждать, или, может, поспать? Взгляд девочки задержался на кукольном уголке. На самом почётном месте восседала красивая кукла, которую Света про себя называла Аминой.

– Ты почему исчезла, не предупредив меня? – недовольно и капризно спросила Света. Но слова повисли, оставшись без ответа. Кукла Барби смотрела в пустоту холодной комнаты и не радовала свою хозяйку.

– Ты тоже одинока, как я, – догадалась Света, – но я тебя не брошу. Иди ко мне.

Девочка потянула куклу к себе, залюбовалась её загорелыми ручками цвета молочного шоколада, длинными ногтями, накрашенными ярко-синим лаком.

– Я тебя согрею.

Осторожно положила куклу под кофту. Гладкая, прохладная и светлая пластмасса куклы коснулась тёплой кожи. Света лежала на диванчике и думала о том, как здорово быть неподвижной и ощущать магически славную теплоту и гладкость.

Девочка уснула. Проснулась, когда услышала, что вернулись мама и дядя Лёша. Они сидели в зале и смотрели телевизор. Света вышла поздороваться, дядя Лёша кивком указал на кухню и спросил:

– Мороженого хочешь?

Света напрямик побежала туда. На столе лежал брикет белого пломбира, оттаивал. Достав клубничное варенье и тарелки, взяла ножик и ложки, слюна потекла от вкуса любимого лакомства. Но Света думала не только о себе, решив, что «угостит» мороженым и куклу.

В середине июня Амина вернулась из Геленджика. Она появилась на улице. На роликовых коньках. Света заметила её в окно сразу. Выскочив из дома, она была настроена сердито: сейчас увидит хитрые глазки Амины и наругает.

– Почему не предупредила об отъезде?.. – сурово начала разговор Света, приближаясь к подруге. – Трудно сказать, что ли?

Но увидев Амину, Света замерла, жадно рассматривая её. Столько счастья излучала сейчас подруга! Её лицо осветила радость встречи, улыбка растянулась во весь рот, обнажив белые ровные зубы. Вытащив изо рта коричнево-розовый чупа-чупс, она раскрыла руки для объятий. Как она загорела великолепно! Стала темней, прямо под цвет какао, постриглась, её кое-где выцветшие волосы чуть прикрывали лоб и уши, были пушистыми на кончиках. То ли ролики сделали девочку выше, то ли она выросла за три недели. Длиннее казались её стройные ноги. Как обмануть ожидания любимой подруги? Обняв Свету крепко, Амина капризно сложила алые губы, проворковала:

– Я скучала по тебе! Поцелуй меня, дурочка!

Встав на носочки, Света горячо чмокнула её в щёку.

– Держи, – Амина засунула чупа-чупс в рот Свете.

Он был жутко сладкий, вкусный. Шоколадно-ягодного вкуса.

– Смотри, – Амина вытащила из кармана браслетик из ракушек, таких миленьких и маленьких, бело-коричневых, поблёскивающих на солнце. – Надень!

Света не помнила себя от восторга. Визжала, хлопая в ладоши, обнимала лучшую подругу. Она не могла наглядеться на подарок. Вскидывая руку к солнцу, упивалась красотой ракушек.

Они катались на площадке по очереди. Амина демонстрировала скорость. Она разгонялась на асфальте у Дома Культуры так быстро, что казалось, не выдержат ролики, разлетятся колёсики. Но нет, они дрожали и гудели, стремительно неся подругу.

– Смотри, смотри! – Амина проделывала финты. Несколько секунд катилась на одной ноге, ездил «восьмёркой», «задом наперёд», «наскоками» и странно боком.

Она кружила вокруг Светы, вдохновенно рассказывая про лагерь на юге, про море, которое всегда было разного цвета и только однажды спокойным. Она разговаривала со многими интересными людьми из разных городов. Из Москвы, Питера, Коломны, Якутска. Амина видела там настоящих негров. Сильных и высоких. Она трещала без остановки и так быстро, что невозможно было ничего спросить. Света слушала, затаив дыхание. Ей казалось, что Амина стала ещё более интересной и недоступной.

– Вода в море горько-солёная, – скривилась Амина. – Лечит болячки всякие, хотя у меня их нет.

Подруга выглядела обновлёно, изменилась. Резче сделались черты лица, подвижного и просветлённого в порыве восторга. Она и вправду выросла! Почти месяц назад Амина была выше Светы на два сантиметра (проверяли в медкабинете, а также в классе, где на стене нарисована линейка, измеряющая рост), а теперь – на все пять. И руки её удлиннились, изящные, окрепшие, и пальцы стали продолговатыми, с ногтями, покрашенными фиолетовым лаком. Может, она узнала какой-то секрет, как выглядеть по-новому? Вот бы рассказала и Свете! Удивительно, но ладони у неё остались светло-розовые, мягкие и как будто бархатные.

Заметив интерес Светы к ладоням, Амина сказала, что они единственные не загорели – потому что в коже ладоней нет специального пигмента, без которого загар не ложится.

«Какая она умная!» – подумала Света.

– Свет, смотри, что у меня есть! – Амина достала из кармана парусиновых шортиков три купюры по сто рублей. – Понюхай.

Глаза Светы загорелись, она приблизила нос и вдохнула слабый запах типографской краски.

– Так папка мой говорит, когда даёт на карманные расходы, – похвастала Амина, скосив хитрые глаза.

Они купили мороженого, два шоколадных батончика, жевательную резинку, несколько чупа-чупсов и литровую бутылку кока-колы.

– Отпразднуем мой приезд, – предложила Амина. – С кем гуляла?

– Когда было жарко, купалась с сестрой Айгуль, знаешь, какая она красивая? – с гордостью и тайным укором сказала Света. – Она взрослая. Переплыла на островок.

– Как плыла-то? – спросила Амина кратко, с отсутствующим видом. – Кролем или брассом?

– Не знаю, – задумчиво ответив, пожала плечами Света. – Это как?

Амина отмахнулась и пренебрежительно добавила:

– Островок в камышах. Скоро там будет болото. Вот на море плавать – это шик!

Откуда ни возьмись появились Маша и Айгуль. Амина и Света поделились с ними жвачкой, колой и чупсами. Вчетвером девочки гуляли, Амина всё рассказывала про море, про лагерь и новых знакомых. Она вошла в раж, демонстрировала своим гибким телом, как ловко плавала и танцевала на вечерних дискотеках. Её незабываемые впечатления передались и девчонкам, они тоже захотели в ближайшем будущем поехать в лагерь на Чёрном море. Особенно поразил рассказ подруги о том, как она танцевала несколько раз «медляк» с москвичом, который перешёл в седьмой класс.

Остаток лета Света провела с Аминой. Иногда, конечно, им встречались и Маша с Айгуль, но у этих девчонок были свои «тараканы» в голове, поэтому гуляли с ними Света и Амина недолго.

– Смотри, вон Айгуль и Машка, – теперь Амина украдкой кивнула в их сторону. – Сделаем вид, что не видим.

Света знала, что подруге снова дали «на карман». Дали в этот раз немного, поэтому если с кем-то поделиться, то мало останется. Амина понимала значение каких-то важных мелочей и могла предугадывать разные

вещи. Света незаметно оглянулась. Точно. Девочки не догоняли их, хотя наверняка увидели. Света восхищалась её новой способностью, благодаря которой она сможет больше времени проводить с лучшей подругой.

Девочки и мальчики построили замечательный шалаш в детском садике. Под сенью низких деревьев, спутавшихся кронами, они весело играли. Доносились оттуда их оживлённые голоса:

– Давайте полетим в космос?

– Давай.

– Надо усовершенствовать шалаш, превратив его в космический корабль! Нужны картон, проволока, больше досок или веток.

Маша пригласила на стройку других знакомых девчонок. Даже Толя Скобяный помогал достраивать, увеличивать пространство и защиту от дождя, делая крышу из ламинированного картона. Но почему-то не звали ни Свету, ни Амину. Сколько бы они не гуляли около шалаша, ни разу не получили приглашение присоединиться. Ни Толя, ни Арина, которая взяла свою подружку, – никто не поворачивался в их сторону.

– Почему нас не берут? – глухо и жалобно спросила Света, тоскливо наблюдая за ними. По одежде возящихся в шалаше ребят скользили полосы света, попадавшего сквозь верхушки деревьев.

– Разве не понимаешь? – вдруг Амина посмотрела на неё наивно, с укором. – Шалаша скоро не будет, наверное, они переедут в другое место.

– Откуда знаешь? – удивлённо спросила Света.

– Догадываюсь, – отмахнулась она. – Видела, как цыганки ломают разные шалаши.

И точно. Стоило Толе Скобяному однажды не появиться в нём, как Саля и толстячка привели ораву цыганок и всё разрушили. Проходя мимо компании расстроенных ребят, Амина ухмылялась, сознавая, что оказалась права, а Свете почему-то стало жалко шалаш.

– Говорила ведь, – покачала пальцем Амина. – Всегда слушай старшую подружку.

Света слушала, не сомневаясь. По первому зову выходила на улицу и теперь не боялась гулять с ней даже далеко от дома – Амина пообещала, что никто их не тронет. Вот показались цыганки с какими-то ребятами, тоже неприятно чёрными, как будто выжженными. У одного срослись густые вихрастые брови, а второй наверняка позаимствовал свои глаза у хрюшки. Маленькие, глупые, но горящие, когда смотрели по сторонам. Эти двое ходили на полусогнутых ногах и не вынимали рук из карманов. А когда всё-таки вытаскивали, то сгибали шеи. Засовывая головы себе под рубашки, дышали глубоко и судорожно, казалось, не могли надышаться.

– Клей чуфанят, – назидательно сказала Амина. – Чуфаны!

«Обчуфанившись», они неистовствовали, орали, носясь друг за другом, смеша цыганок. Прыгали, как дурные, размахивая руками, матерились и дрались между собой, походя на двух ошалевших сцепившихся баранов.

Заметив девочек, злобная компания не приближалась. Амина, поймав взгляды цыганок, украдкой кивнула и отвернулась. Саля помахала рукой и с восторгом продолжила наблюдать за кричащими «баранами». Испуганная Света озиралась, голову наводняли мысли. Почему не погнались за ними, почему не завопили вслед? Неужели Амина стала настолько известной, что теперь и вправду не тронут? Ага, после лагеря в Геленджике она сделалась популярнее. Света, поджав губы, шла скованно, мелкими шажочками, пока ненавистные цыганки не скрылись за руинами школы.

– Здесь мама моя училась, – произнесла Света в надежде развеять гнетущую тишину.

Не ответив, Амина повела подругу за руку внутрь школы, от которой остались только стены и крыша.

– Ты слабая! – вдруг бросила она, ожесточившись. – Я пытаюсь поднять тебя на свой уровень. Знаешь, что сказала гадалка?

– Что? Что? – нетерпеливо спросила Света ошеломлённо.

– Иди за мной.

Они быстро поднялись по лестнице на второй этаж. Там царил темнота. Лишь из нескольких отверстий, оставшихся от окон, в конце большого помещения лился белый дневной свет.

– Если не будешь меня слушать, пропадёшь... – голос Амины сделался чужим, грубым и пацанячьим. Может, она специально исказила его, чтобы напугать?

– Ай! – вскрикнула Света, сжавшись, отойдя к холодной кирпичной стене. – Больно!

Амина ущипнула её за плечо, продолжала крепко держать. Кожа Светы покрылась пупырышками, а сама она вздрогнула. Поблёскивая глазами, Амина смотрела на неё, как на лакомое блюдо, поданное к столу, холодно предупредила:

– Если оступишься, то не быть нам вместе! – лучшая подруга превратилась в нечто. Её лицо страшно контрастировало изрекаемому. В голосе звучала хрипотца, пугающая и не слышанная раньше. С беспокойством она говорила точно по какому-то старому образцу, который был предначертан кем-то неземным. Дрожала от прилива адреналина. Света чувствовала волну необъяснимого гнева, исходящую от подруги, не могла пошевелиться и только роняла:

– Угу, угу...

– Не угадай, как сова! – бросила Амина раздражённо. Она шлёпнула Свету по ягодице. – Ещё хочешь?

– Ай, ты что? – испугалась Света. – Больно.

– Если ты моя подруга, то стерпишь, ведь я испытываю тебя. Мне сказала гадалка!..

Света попыталась защититься, толкая подругу, но Амина ещё больше рассердилась. Притиснув её к себе за руку, ущипнула за ягодицу сильнее. Безвольная Света терпела, прижав руки к груди.

Вдруг Амина спохватилась, посмотрела виновато и растроганно. Исчезла в ней злая девочка. Амина ослабла, бессильно опустили её руки, казалась, она готова упасть.

– Прости, Светочка! – глаза Амины влажно сверкали, точно она вот-вот заплачет.

– Ты успокойся, – примирительно подняла руки Света, боясь: вдруг сама виновата в происходящем? И вправду, Амина превратилась в немое воплощение обиды. Недвижимо было её лицо. Лучшая подруга зарыдала, отвернувшись к стене.

– Прости меня! – залепетала Света учащённо. Обнимая Амину за плечи, целовала в шею и щёки.

Через минуту они сидели в прохладной темноте и молчали. Света смутно чувствовала в Амине бунтарскую душу, волновалась. Что-то заставляло искать и догадываться, почему именно на неё обрушился гнев. Амина оставалась неподвижной, обхватив руками колени, смотрела перед собой. Чудилось: в голове у неё было пусто, как в раскрытой новой шкатулке.

– Пошли отсюда! – воспрянув, с деланной развязностью позвала Амина. Рывком поднявшись, она торопливо увела подругу.

– Ты ко мне пойдёшь? – спросила Амина, расхохотавшись звонким, переливчатым смехом. – Поиграем!

– Конечно, – не думая, ответила Света.

Глаза у Амины были тёмные, как у ястреба из учебника биологии, а на лице жила спокойная доброжелательность.

До дома Амины девочки не дошли. Возле них остановился большой чёрный джип. Позвал подругу здоровенный мужчина в бледно-серой рубашке, с золотой цепочкой на шее.

– Ладно, пап, – неохотно согласилась Амина. Обняв Свету, она улыбнулась свободно и самодовольно, тихо ответила: – Мне надо ехать с папой в гости. Завтра погуляем?

Пожав плечами, Света расстроилась. Дома прошло огорчение, когда принялась мастерить медведя из спичек.

Амина не показывалась на улице несколько дней. Заходить за ней Света не решалась: скромность и какой-то невидимый барьер – не позволяли приблизиться к её дому. Наконец до боли знакомая фигура быстро проехала на стрекочущем велосипеде туда и затем промелькнула обратно. АМИНА ВЕРНУЛАСЬ! Выскочив на дорогу, Света напугала подругу так, что она чуть не улетела в канаву для слива воды.

– Ты что? – испуганно бросила Амина. – Если бы не тормоза... ай, ладно.

Спрыгнув с велосипеда, она одарила подругу счастливой и гордой улыбкой, а на её щеках заиграл жгучий румянец.

– Прокатиться хочешь?

– Конечно! – радостно ответила Света.

– Только не свались, – покачала Амина пальцем. – Посмотри, – она вывернула локоть, явив большую ссадину. – Опыт есть!

Ещё минуту назад Света сердилась, одолеваемая сомнениями: Амина словно играла с ней, норовя обмануть, заставить ждать и тосковать. Но теперь, откинув мрачные мысли, мечтала прокатиться на великолепном спортивном велосипеде. На заднем колесе с толстой резиной – несколько «звёздочек», хотелось сразу поехать на большой скорости, промчатся возле того медленного и согбенного старика с алюминиевой старой флягой. Пролететь по луже, услышать шипение подброшенной воды.

– Покажи, покажи, Светик! – ласково попросила Амина.

Туго нажимая на педали, Света ощущала себя окрылённой. Вертелась в голове тревожная мысль – показать высший пилотаж на велосипеде.

– Сейчас-сейчас! – забормотала Света напряжённо, вцепившись в руль. Втянув голову в плечи, она отчаянно давила на педали.

Тёплый ветер приятно обдувал лицо, мелькали люди по обе стороны сухой и неровной дороги. Девочка оборачивалась, ловя довольный взгляд подруги. Амина наблюдала, улыбаясь, махая рукой. Вот она рванула за ней,

быстро-быстро замелькали её смуглые ноги в ярких фиолетовых кроссовках. Здорово ехать и знать, что подруга бежит за ней и что ей тяжело, а Свете легко!

– Ну как? – спросила Света, оглянувшись. – Смотри, держусь одной рукой!

Амина насторожилась.

– Осторожно! – только и услышала Света, потеряв управление, скатываясь в яму.

Она лежала на траве и глядела в небо. Упала, ну и что?! Не ощущала ни боли, ни страха. В канаву свалился и велосипед, его серебристые красивые ручки посверкивали на солнце. Послышался стук подошв, затем шуршание по траве. Амина нависла над ней, уперев руки в колени. Показалось, что Амина стала настолько огромной, что затмила собой полнеба, заменив солнце своей тёмной и прелестной головой. Затем она наклонилась, встав на колени. Света ничего не видела, кроме неё, но молчала, даже тогда, когда подруга затрясла Свету за плечи и громко закричала.

– Что с тобой?

Разглядилось потемневшее лицо подруги, Света заулыбалась.

– Ты чего так испугалась?

– А вдруг что с тобой случилось, я тебе кричу, кричу, а ты – молчишь, – ответила Амина, дыша глубоко и запалёно.

«Она за меня испугалась! Здорово!» – с радостью и тайным блаженством подумала Света. Пахли ромашковым шампунем влажные волосы на лбу подруги, выступил пот на шее. Солёная капля, скатившись со щеки, упала на губы Светы. Горьковато-солёная, как морская вода... приятная.

Приподнявшись, радостная Света всё-таки почувствовала боль. Будет синяк на левом бедре. Ничего, но жаль велосипед.

– Я испугалась за тебя! – Амина набросилась на неё, обнимая крепко, словно специально сдавливая плечи и грудь подруги так, чтобы стало труднее дышать.

– Со мной всё хорошо! – захохотала Света, тихо отталкивая подругу, которая принялась щекотать её спину и живот.

Поднявшись, они вместе вытащили велосипед. Ни «восьмёрки» на колесе, ни рама не погнулась. Только руль стал кривоват, но выправили, приложив усилия.

Продолжили прогулку, держа велосипед за ручки. Вели его, как ребёнка, медленно и направляя. Оказалось, Амина ездила на несколько дней к родственникам в Астану.

– Папа сказал, что родни у меня – куча! – Амина лепетала без умолку. И лениво проводя взгляд по разморённым от жары прохожим, продолжила назидательно: – Есть в Адыгее братья и сёстры, в Абхазии – дядя, в Грузии – тётя. В Америке есть! За океаном. Потом поедем с тобой туда! – последние слова прозвучали звонко и радостно, точно вторя какому-то роднику, наполненному надеждой, вдруг открывшемуся в груди Светы. – В Нью-Йорк, город со статуей Свободы. Там американские горки! Фух-фух, – Амина запрыгала с места на место, изображая их. – До Вашингтона недалеко из Нью-Йорка, из аэропорта имени Джона Кеннеди вообще до всего рукой подать. Запрыгнул в самолёт, минут сорок над Америкой – ты в Сан-Франциско. Где-то часа два на «Боинге» – ты в Калифорнии, где живут звёзды, Анжелина Джоли. Какой твой любимый актёр или актриса? Не понимаешь, что ли, Свет? – глаза Амины округлились, больше почернев, она неподвижно встала, держа свой велосипед за руль. – Ты даже не знаешь, что президент США живёт в Белом доме Вашингтона? Что ты вообще знаешь?

Света знала, что президент Америки живёт далеко, но не знала, что именно в Вашингтоне. Она смутилась под удивлённым взглядом. Ей стало не по себе. Кожа шеи и плеч покрылась мурашками, неприятно похолодела. Света испытывала мучительное осознание своей дремучести. Амина обладала недостижимыми знаниями. Общалась с людьми умными, состоятельными, как она часто говорила, с продвинутыми и намного старше её. Неудивительно, что она умней и круче остальных знакомых девочек.

– Прости, – посмотрела Света умоляюще. Но Амина в этот миг стала похожа на злую и гордую тигрицу. Подняв кверху плечи, она презрительно поджала губы.

Некоторое время девочки шли молча.

Не раз и не два Амина и Светлана замечали друг в друге нечто странное, не поддающиеся описанию. Замечали не часто, но урывками, яркими и сильными. В эти внезапные и запоминающиеся моменты девочки понимали, что они разные и у каждой свои тайные мысли и желания. Света делилась сокровенным часто. То, что не рассказывала матери, обычно обсуждала с Аминой. Но Амина, молчаливая и загадочная, с таинственной улыбкой, редко говорила, какой мальчик нравился ей больше всего в школе, о чём думала, какую книгу прочитала и какой фильм посмотрела. Они росли рядом, на одной улице, но благодаря какой-то удаче или неизвестной силе Амина умела выглядеть лучше, вести себя изящней, выразаться умней, привлекать внимание людей со статусом. О, какое непонятное слово: «статус»! Света ещё не употребляла его в присутствии подруги. Во-первых, это Амина впервые его произнесла: сказала тогда тихо, увещевающим тоном, скосив блеснувшие глаза. Во-вторых, никаким «статусом» Света вроде бы не обладала: у неё по-прежнему не появилось ни велосипеда, ни роликовых коньков, ни классной приставки «Сони Плэйстэйшен 3», ни доброго отца на большой и красивой машине. Находясь в обществе разных людей, Света говорила неуверенно. Терялась и как будто сжималась, стоило симпатичному мальчишке обратиться к ней. Кстати, тому же Анатолию Скобяному, который теперь удивительно повзрослел, Света отвечала робко и стеснённо, избегая его взгляда. Он занимался борьбой, выступал на соревнованиях. Толстела его шея, делались сильней и красивей руки. Но говорил он по-прежнему, как «чайник», быстро и собирал что попало, картавил. Мог нелепо рассуждать на разные темы, точно взрослый, жестикулировать руками. Но лишь жестикулировать, подчёркивая значимость слов или предложений без звука «р» и некоторых других. Со стороны это выглядело глуповато.

– С пацанами поехай отоваться, возьми пива! Так напиись, что лыка не вязаи. Потом бац: на нас напаи какие-то гопники, мы их отфигачии номаль. Я боском с погиба мутив, во так! Хьясь... – Толя, выгнув спину, продемонстрировал приём. Да, он действительно был силён, такого большого бицепса в классе никто не имел.

Амина не раз доказывала Светлане, что Толя Скобяный, пусть человек хороший и сильный, но всё-таки не её, Амины, уровня. Бывало, задаст ему каверзный вопрос и ждёт ответа, а Толя думает и немного сердится: как бы ему ответить достойно, чтобы не запятнать свою честь перед одноклассниками. Говорит несобранно, мелет околёсицу. Изящным жестом руки утомившейся девушки Амина останавливала его сумбурные рассуждения, отвечала сама, искоса наблюдая, и за ним, и за Светой, и за теми, кто в компании. Не раз Света замечала, что с Аминой друзья и подруги вели себя неестественно, у каждого вдруг появлялись те качества, которые Света не замечала прежде. Стоило Амине встать рядом даже с отсутствующим видом, как Паша Клиновой, Ромка Битин или Арина Купчевская начинали хвастаться своими достижениями в науке, в спорте и своей эрудированностью. Это была троица круглых отличников, причём преуспевающих не только в учебных предметах, но занимающихся дополнительно на курсах и в спортивных секциях, имеющих дипломы, медали и значки отличия. Добрый и симпатичный здоровяк, хоть и несущий чушь, Толя Скобяный – дополнял их компанию.

– Никто не знает, сколько движок у «Ландкрузера»?.. – обратив смеющееся подвижное лицо к одному из них, спросила Амина с наигранным интересом. – Смотрю, Ромка, футболку носишь «Лонсдэйл», что это?

Несомненно, Амина знала, сколько движок у того же «Ландкрузера» и что такое «Лонсдэйл», точнее, в какой части Великобритании это графство находилось. Кто-то из них отвечал, Амина усугубляла вопрос:

– С какого века оно стало называться по-другому?

Про машины вскоре уже и не говорили. Складывалось впечатление, что она каждый день только то и делала, что разговаривала с автолюбителями и спорила, какое авто быстрее и надёжней.

Вот Купчевская не отступилась, зашла далеко в споре насчёт разных автомобилей и прочих вещей, на которые Света просто не обращала внимания. Её спокойное и светлое лицо поменяло выражение: не любила она проигрывать. С воинственным видом, с глазами расширившимися и сердито блестящими Арина словно выжидала момент, чтобы подловить собеседника. Девчонка крепко стукнула ребром ладони по стене – она занималась рукопашным боем. Но вместо того чтобы настроиться и посерьёзнеть, Амина закатилась звонким смехом, переливчатым и хрупким, точно дорогая игрушка. Затем она перестала смеяться и, покачивая головой со значением, сказала убедительно, словно читала будущее Арины:

– Это ведь полемика, и каждый спорит в меру своих возможностей!

Не только в глазах Купчевской читала Амина, но и остальных как будто видела насквозь. Света наблюдала за подругой, одна её часть страшно хотела, чтобы Амину хоть раз выставили дурочкой, а вторая наоборот мысленно поддерживала и гордилась: мол, вы, ребята, не на той волне, чтобы так разговаривать, а тем более спорить. Когда Амина говорила, глядя на одноклассников, её благородное резкое лицо выражало множество нюансов, дополнявших её движения. В столовой ли она вела беседу, методично отправляя в рот кусочки хлеба, на улице ли, стоя развязно и свободно, но чувствовалась в ней власть, уверенность в каком-то таинственном и роковом предназначении. Ромка не обращал внимания на Арину, если видел Амину, которая в свою очередь поглядывала на него. Ага, бывало, бросит красноречивый взгляд на парня, дотронется до своего замечательно вылепленного подбородка, плавно переходящего в дуги смуглых щёк, и хранит на лице неопределённое выражение.

– Привет, Амина! – громко и радостно бросал Рома, махая рукой. Он специально закатывал рукава по локти, чтобы руки очерчивались красиво, и их природная необычная бледность контрастировала с цветом рубашки.

С почтительным, но бесстрастным видом кивала в ответ Амина и словно не замечала его больше. Но это когда он проводил время в компании с другой девчонкой. С той же Ариной Купчевской или с не менее продвинутой девчонкой из параллели – Эвелиной.

– Смотри, – хитро сказала Амина.

Света внимательно воззрилась на парня с девушкой. Ромку и Арину.

– Погуляем сегодня в парке? – как бы невзначай Амина спросила Рому. На миг мальчишка впал в замешательство, точно пролетел сквозь огонь и воду одновременно. Амина при удивлённом взгляде Купчевской положила обе руки ему на плечи и с невыразимой любовью поглядела в глаза.

– Да, – кивнул он, придав лицу мужественное выражение. – Во сколько?

– Тебе видней, ты же парень, – выражая восхищение глазами, Амина вдруг стала выглядеть беспомощно, как милая птичка, попавшаяся в огромные сети матёрого охотника.

– После треньки прогуляемся, в шесть закончу мутузить грушу, потом и увидимся!

Как ловко лучшая подруга играла на чувствах, и Ромкиных, и этой – самоуверенной до безобразия Купчевской! Светлана дивилась способности подруги, завидовала. Амина не раз с лукавой настойчивостью распекала то Игната из параллели, то Ромку. Она владела неотразимой, обаятельной властью, позволявшей ей словно выкручивать парней и девчонок наизнанку. Втайне Света гордилась этим талантом подруги. И когда Амина применяла его, Света считала его и своим открытием тоже.

– Амина, он тебе нравится? – спросила Света с диким интересом.

– Так себе, – быстро нахмурилась та, покрутив пальцами левой руки. Но вскоре по мечтательному выражению её глаз и по неопределённой улыбке, блуждавшей вокруг алых губ, стало заметно, что она говорила не то, что

думала. – Не хочешь ко мне вечером? Ты давно у меня не была. Мои уехали, вернуться не скоро. Поиграем, поедим мороженого.

– Конечно, – закивала Света.

Последнее время Света мало гуляла с подругой. Они больше перезванивались. Обычно после обеда Амина была свободной, но теперь уже несколько месяцев девочки виделись только на выходных, и то либо в субботу, либо в воскресенье. Света объясняла их редкие встречи занятостью уроками. Амина по-прежнему оставалась лучшей ученицей в классе.

«Конечно», – сжав губы, с ревностью думала Света. – «У неё столько парней, она очень популярна!»

После своего четырнадцатого дня рождения Света больше размышляла о том, что есть в лучшей подруге такого, чего нет у неё и у других девчонок в классе. Вечером, когда дома никого не было, она подошла к зеркалу. Малиновые лучи солнца косо ложились на пол, играли медными пятнами на ковре, обоях, на столе и хрустальной посуде в шкафу. Задёрнув шторы в своей комнате, Света очутилась в полумраке. Включив лампу, медленно разделась и рассматривала себя жадным оценивающим взглядом. И так повернулась она, и так встала, изящно выставив ногу. И гладила свою грудь с возбуждёнными коричневыми сосками и щупала упругую попку, щипая и пришлёпывая. В этих плавных, а затем быстрых движениях было нечто жалкое и приниженное.

– Плоская какая! – сказала Света с возрастающей горячностью. – Надо заняться спортом. Немедленно пойду в секцию. Мама не будет против.

Таилась в душе ревнивая грусть по прежним, детским мыслям, полным отрады. Таким весёлым и далёким от этих тягостных рассуждений и сравнений, ярким, как радуга в мультфильмах, и чистым, как небо после дождя.

Она стояла в печальном очаровании тихого вечернего часа.

В дверь постучали. Света, испугавшись, стремительно оделась.

– При-ивет, – протянула Амина и многозначительно повела бровями. С видом жутко искусной соблазнительницы парней, поигрывая плечами, она прошла в дом. Скинув туфли, развалилась на диване, положила ногу на ногу. Недоверчиво спросила:

– Что делала одинокая девушка при задёрнутой шторе?

Если бы не сумрак, царивший в доме, Амина увидела бы, как Света покраснелась.

– Дура какая, Аминка! – покачала она головой, состроив гримасу изумления. – Расскажи, расскажи...

Умилённо улыбнувшись, Амина начала неохотно:

– Целоваться Ромка не умеет – Купчевская не научила. Единственное, чем задевает парень, – общаться с ним приятно, закрываешь глаза на многие недостатки.

Лампа на столе отбрасывала на белую скатерть и задёрнутую штору большой круг золотистого света.

Света сидела на коленях на полу, покорно слушала подругу, от которой пахло ромашковым ароматом. Оказалось, та принесла с собой новые духи неизвестной фирмы. Целую коробку разных ароматов прислали из Америки родственники. Один флакон Амина обещала подарить. Протянув длинные матово-коричневые ноги к Свете, она коснулась пальцами её гладкого бедра. Попросила сделать массаж.

– Целый вечер гуляли в парке, катались на аттракционах, потом поехали в боулинг-центр. Ты знаешь?.. – Амина некоторое время наблюдала, как Света старательно массирует её ступню и голень. – Денег у него нет. На карман дают рублей триста, как мне много лет назад, – Амина вытащила из шорт две купюры по тысяче рублей. – Одну я из щедрости истратила, заплатив за него в боулинг-центре и в кино. Больше гулять с ним не буду. Я на тренировке познакомилась с таким классным парнем!

– Ты ходишь в спортзал? – слегка возмущённо спросила Света, перестав массировать. Подруга не говорила, что посещает спортивную секцию.

– Нечто вроде рукопашного боя. Около полугода. Кстати, скоро соревнование между клубами. Заметила: после четырёх часов, когда ты звонила, трубку иногда брала мама? Подруга! – вдруг Амина внимательно воззрилась на неё, наклонившись. – Тебе бы тоже заняться спортом, а то дряхлеешь. У тебя грудь маленькая! – последние слова были сказаны с восторгом, будто ей нравилось указывать на недостатки.

– Ну-у, – обидчиво протянула Света, встав с пола. Амина, поднявшись с дивана, сильным рывком притиснула Свету к себе и небрежно пощупала её грудь. – Ай-яй, перестань! – зажмурилась Света, напрягшись, но не сопротивляясь.

– Дотронься до моей! – сказала Амина. – Не бойся, подружки щупают друг друга. Особенно если у одной грудь красивее, чем у другой.

Света обеими руками коснулась груди подруги. Грудь была намного объёмней, овальной и туже Светиной. Глаза Светы округлились от восхищения. Она не говорила ни слова. Затаила дыхание.

– Хватит, – Амина толкнула её с дивана. – Ко мне идём!

Света давно не была у Амины дома. Изменилась её комната: в ней сделали ремонт и поменяли мебель. Теперь в шкафу вместо игрушек висело множество одежды и кимоно, бледно-синее с коричневым поясом. Внизу лежали обтянутые резиной гантели, большие и маленькие.

– Можешь так? – Амина взяла двухкилограммовые гантели и отработывала ими удары несколько минут.

Света и минуты не смогла махать ими. Руки девочки устали и потяжелели.

– Тренироваться надо, – посоветовала Амина, гордясь собой. – Поиграй пока!

Амина, забрав кимоно, спустилась вниз. Света, перебрав старые и новые диски, села за приставку. Так здорово было снова играть в «Сони 3»! Драйв и задор овладели ею настолько, что она не заметила, как появилась Амина, – в кимоно, туго затянутом поясом.

– О! – вдруг увидела её Света и невольно отложила джойстик. В полумраке комнаты, который специально сделала Амина, она казалась ожившим воином из восточных боевиков с участием ниндзя, самураев и каратистов в причудливых одеждах.

– Поднимись и пойдём за мной! – приказала Амина.

Света немедленно пошла за ней вниз, в небольшой зал с тренажёрами и грушей. Амина включила свет, позволив гостье рассмотреть снаряды. Вот оно что! Свету вдруг осенило: долгое время за забором коттеджа Мафусаиловых шла стройка. Пристраивали тренажёрный зал, расширяя одну из комнат. Здорово, можно заниматься, не выходя из дома.

Свете показалось, что находится она не в жилом доме, а в тренировочном зале: тёмный, из специального материала пол, маты кремового цвета, стена с несколькими зеркалами, в углу висела на толстой верёвке большущая сине-коричневая груша с квадратной заплаткой.

– Мой отец мечтал сделать зал, – прокомментировала Амина. Внезапно она набросилась на грушу, начала молотить без остановки голыми руками, глухо крича, выбрасывая слова на непонятном языке. Её кулаки вылетали с необычайной быстротой.

– Бух-бух! – от ударов груша вздрагивала, подёргиваясь на верёвке. Отклоняясь, Амина заработала и ногами. – Хлоп-хлоп! – под натиском груша проминалась. Девочка атаковала стремительно, с левой и правой ноги. У подруги оказалась прекрасная растяжка, её нога, красиво разгибаясь в бедре, вытягивалась и держалась прямо, точно деревянная. Наконец, перестав нападать, она глубоко вздохнула, посмотрела на Свету надменно, с усталопокровительственным видом. Света недоумевала, пристально наблюдая за подругой, которая, стоя на матах, словно выросла. Смерив её холодным взглядом снизу-вверх, Амина улыбнулась, сверкнув белыми зубами. Почудилось в её милом лице что-то жестокое, присущее зверю, его синеватая бледность теперь сильнее оттенялась разбросавшимися чёрными волосами.

– Ты должна тренироваться! – заговорила покровительница со сдержанной яростью. – Моя подруга должна мне соответствовать. Быть сильной.

– Конечно, я такая, – отмахнулась Света, затанцевав на месте. Она сказала, думая, что выйдет ловко, как у Амины, но получилось коряво и неестественно.

– Сейчас посмотрим, – кивнула Амина, бесшумно отойдя по мату к стене. – За тобой шкаф, достань перчатки.

– Ты что, Аминка? – растерянное недоумение появилось в глазах Светы. Послушно подойдя к шкафу, она почувствовала, как сердце у неё затрепыхалось. Колыхался в груди приятный страх перед могущественным и непостижимым воздействием старшей подруги, почтительный трепет ребёнка перед магическими словами, произносимыми взрослым. Вытащив две пары перчаток, Света отпрянула от шкафа.

Амина быстро надела перчатки и показала разные стойки, с которых удобно атаковать и защищаться. Света повторяла за подругой неуклюже, стеснённо. Ей нравилось выглядеть неумёхой, которую так внимательно и усердно учили. Наконец, Амина попросила провести на ней несколько произвольных ударов кулаками.

– Бей куда хочешь!

– Ладно, – весело согласилась Света, замахнувшись.

Амина отклонилась, ударив следом девчонку в плечо.

Пошатнувшись, Света посерьёзнела и напряглась. Бросила с обидой в голосе:

– Офигела, сейчас наприсишься!

Света принялась часто махать кулаками и подпрыгивать. Амина защищалась спокойно, без лишних движений. Затем припустила кулаком Свете в живот. Потом напала, несколько раз стукнув её по плечам и рукам. От испуга перед внезапной переменой в подруге сжалось и похолодело Светино сердце. Она воскликнула в гневе:

– Ах ты, гадюка, прибыю!

Влажно засверкали её глаза. Невольно Света представила себя каким-то шутом в обществе Амины, живой куклой, усвоившей смешной тон избалованного ребёнка. Бросилась на неё, словно хотела выцарапать глаза этими ненавистными пахучими и тяжёлыми перчатками. С глухим всхлипыванием она неумело, но быстро атаковала кулаками. И попала несколько раз по Амине. В её упругую грудь и левый бок, когда та вдруг промедлила, не специально ли? От сознания того, что сейчас неминуемо и больно получит сдачи, внутри мучительно заныло. Но лицо подруги выражало суровую тревогу и нетерпеливое ожидание. В испуге и замешательстве, не смея поднять уставшие руки, Света зажмурилась. Амина схватила её и несильным броском мягко уложила на татами. Света лежала, не двигаясь, болезненно искривившись. Послышался щелчок – выключился свет. Не открывая глаза, Света поддалась приятной усталости и неизвестности. Вскоре её губы и нос ощутили тёплую солёность тела Амины, освобождённого от кимоно. Амина легла на Свету, прижав девочку возбуждённой грудью.

– Слабачка ты ещё против меня! Хотя злость и хороший потенциал имеются. Тренироваться надо!

Полный месяц низко висел на звёздном небе. Так отчётливо виднелись залитые серебром дороги между частных домов. Из кустов у канавы выскочила ошалелая белая кошка. Худая, с длинным хвостом. За ней пустилась вдогонку ещё одна, но чёрная и такая откормленная, что казалось, ей трудно передвигать лапы. Обе они пролезли в щель под большими деревянными воротами. Послышался звон цепи. Энергично шагавшая домой Света не понимала, слышалось ли это за воротами или звенело в ушах.

– Что они там делали? – голос был полон восторга и необычной дерзости. – Сергей, вашу проблему давно следовало решить без нас. Ты прямо как маленький! Всё тебе нужно показывать и говорить. Девушкам надо цветы дарить, много внимания уделять. Глядишь, растает...

Затем раздался хохот, грубый, истерический. По дороге развязно шли две взрослые женщины, а за ними, лениво передвигая ногами, – два парня в расстёгнутых рубашках и здоровый пузатый мужик в белой безрукавке. Каждый нёс в руке бутылку пива, отблёскивающую мутным янтарём в свете луны. Толстый мужик держал двумя руками огромную пластиковую бутылку. Прикладываясь к горлышку он долго и жадно, слышался хруст пластмассы – так сильно пальцы сжимали ёмкость. И после этого толстяк отпускал пошлые шутки, вызывая глупый смех у парней и женщин.

– Пойдём с нами бухать! – он остановился прямо перед Светой. Пропустив её, рекламировал себя и своих друзей громко и с мальчишеским запалом.

Проскользнув робкой тенью за порог, Света встретила в коридоре сонную маму.

– Где пропала? Никогда так долго не гуляла... – с удивлением и недовольством заметила мать.

На лице дочери отразились испуг и замешательство, но, скинув сандалии, она ответила:

– У Аминки, мам! Играли в приставку, круто!..

– Предупредила бы хоть, – выронила мама и пошла спать.

Света лежала в кровати, сон не шёл. Он будто потерялся по дороге, «забухав» вместе с толстяком и нетрезвой пошлой компанией. Свете чудился яркий образ сильной Амины, непреклонной в гневе, великолепной и точно сияющей изнутри. Света даже разговаривала сама с собой. Затем вдруг замолчала, растроганная своими мыслями, словно подавленная неожиданным приливом экстаза, глядела со страшным любопытством в окно на звёзды и на месяц. И потом, во сне, являлась подруга. Отчётливо виделся красивый образ. Веки хитрых глаз Амины полузакрылись, а в лице сквозило манящее, обещающее, нестерпимо прекрасное. Бесстыдно-приятное.

Утром зашёл Толя. Вместе они пришли в школу. Толя болтал без умолку, добро шутил над встречающимися одноклассниками. Над Ромкой,

над Пашкой, над Федей Ильиновым, который пытался ухаживать за Машкой Стреляевой, дурочкой из параллели. То сумку её носил, то забегал вперёд и лез обниматься, то привлекал внимание разными глупыми, но зрелищными способами. Да, Тольку не переслушаешь, и над его шутками можно хохотать долго. Светка прониклась к нему тёплыми дружескими чувствами. Вон показалась одинокая Амина. Она не глядя, равнодушно прошла мимо них по лестнице. Что с ней? Может, не приготовила тест по физике или не выучила слова диктанта по английскому языку? Нет, её обычно не тревожили такие вещи, потому что она проходила множество тем вперёд с репетиторами.

«Не в настроении, значит. А, фиг с ней!» – подумала Света.

– Погуяем, Свет? – предложил Толя решительно, мужественно выпятив подбородок.

– Ага, – закивала Света. – Во сколько? Ты ведь парень, тебе видней.

– Ум-м, – задумался он, сдвинув брови. – Уоки сдеаю и пойдём, где-то посе двух...

– Как скажешь, Толь, – радостно ответила девочка, почувствовав, что парень нравится ей.

На уроке алгебры Амина не вызывалась к доске на задание, отмеченное двумя звёздами, а на информатике не поднимала руки, когда новый учитель задавал вопросы по периферийному оборудованию и всемирной сети. Она сидела со страдальчески-отсутствующим видом, выглядела болезненно. Блестели глаза, стоило ей поднять их, хмурились брови. Амина даже ссутулилась, подперев лицо правой рукой. На жесты внимания одноклассников отвечала вяло, неохотно, а вскоре и раздражённо. После урока стремительно удалялась в туалет.

«Дни...» – Свету осенило. Она представила, как сейчас болел живот у подруги. – «Неужели никто не понимает?»

Амина пыталась хранить философское выражение на лице, но её выдавали напряжение и внутренний дискомфорт. Не чувствовалось в ней ни

беззаботности, ни обычного радушия, с которым она отвечала. Света тонко улавливала её отчуждение, жалела подругу.

– Аминка, пересяду к тебе, – повернулась и прошептала Света.

Амина презрительно махнула рукой. Вдруг деланно и сухо улыбнулась, словно поняв, что ведёт себя неестественно. Закивала. Но Света уже отвернулась, подтвердив свои догадки. Здорово, что подруга мучилась этим неотвратимым, но благородным недугом. Её существо сейчас трепетало, терпело боли. И от этого Света ощущала какое-то мстительное удовлетворение, но одновременно испытывала истеричное умиление и жалость.

Через день Амина снова поднялась на прежний уровень. Чувствовалось в ней новое и сияющее состояние.

– Аминка, у тебя месячные? – спросила Света, когда они шли вместе на биологию.

Подруга, воззрившись осуждающе, ответила с ехидным добродушием:

– А твои когда? – спохватилась она с наигранной весёлостью. – Слушай, а давай погуляем парами? – проговорила вздрагивающим, проникновенным голосом.

– Конечно. Но у меня нет пары.

– Толя... – эти слова прозвучали из уст Амины ликующе.

Поддаваясь приливу радости, Света расхохоталась, зазвенел её смех непрерывно и возбуждённо.

– А ты с кем? – спросила она.

– С Эриком!

К обеду в субботу прошёл дождь, и снова выглянуло солнце. На улице была настоящая парилка. Земля и густая зелень в парке быстро высыхали, источая влажный жар и душистый приятный запах. Сильно пахло цветущими яблонями и сиренью. А после дождя здесь особенно царил густой дурманящий аромат.

Накануне окончания последней четверти хотелось веселиться и выкинуть из головы предстоящие контрольные работы. Именно в конце мая жизнь ощущалась во всех её острых и многогранных проявлениях. Казалось, что пространство в этом периоде времени сократилось и может не возвратиться на свои прежние круги. Казалось, что люди вокруг торопились, – и жить, и думать, и чувствовать. Превратились в комки со множеством возбуждённых нервов, хаотичными мыслями и горячими желаниями. И возрождающаяся природа, набирающая соки жизни, и люди, становящиеся как будто настороженной и терпеливой, попали в мощный поток времени, откуда если вырывались, то пропадали навсегда.

К высокой металлической изгороди парка бесшумно подъехала чистая, блестящая на солнце малиновая «Тойота». Некоторое время в ней играл рок-н-ролл. Дверь неторопливо открылась, вышел высокий стройный парень в клетчатой расстёгнутой рубашке без рукавов. В глаза Светлане бросились чёткие загорелые кубики пресса, такие идеальные и красивые, словно на картинке. Она почувствовала себя потерявшейся на какой-то чужой и тёмной улице, пусть и вместе с хорошим парнем. В груди вдруг что-то зашевелилось с необыкновенной силой, она уже радовалась и предвкушала, как просто пойдёт рядом с тем человеком. С парнем Амины. Будет робко на него посматривать и ждать, что он хотя бы мельком взглянет на неё, такую маленькую и худенькую.

– Неплохо ласкочегаен! – покачал головой Толя, зашуршав целлофановым пакетом с мороженым. – Накачан хоошо, уважуха.

Цокая длинными каблуками ярко-фиолетовых, перевязанных золотистыми шнурками сапог, Амина вышла на асфальтовую площадку. Демонстративно прильнула к груди парня. Зашептав ему на ухо, нежно обняла за шею. Какое-то время они горячо целовались. Вот как! Амина сделала мелирование. Пепельно-золотые волосы, заплетённые в косы, лежали короной вокруг головы. Они потрясающе контрастировали со смуглой кожей её лица и изящным изгибом шеи. Она, словно услышав тревожное биение

сердца Светы, наконец оторвалась от парня и оглянулась. Горели её чёрные глаза на прекрасном лице. Света замерла, покраснев, будто увидела нечто такое, что не должна была. Амина украдкой улыбнулась.

– Доого лобызаись, – проворчал Толя, почесав макушку. – Мы тоже можем, – он быстро обнял Свету свободной рукой и несколько раз чмокнул в щёку. – Во-о хоошо!

– Щекотно, Толя, – поёжилась Света, не сводя пристального взгляда с великолепной пары. С торопливой и угодливой развязностью она замахала рукой и позвала:

– Пойдёмте по дороге, на «Колесо обозрения».

– Э-э, папка не дал много бабла, говоит, нефиг... – признался Толя сконфуженно. – На мооженое много потатил...

– У меня есть немного, – оборвала она, обнадежив Толю.

– А-а, ну ладно, сегодня – ты, завта – я, – легко согласился он, сосредоточенно и удовлетворённо жуя мороженое, с хрустом откусывая вафельный рожок.

– Ждёте долго? – подходя за руку с парнем, спросила Амина. Она держала плечи картинно поднятыми. – Познакомьтесь: Эрик, он живёт в Греции, а у нас в городе – по делам.

– Привет. Я – Тоя, а это – Светка. Мооженое хотите? – улыбнулся Толя, протянув руку Эрику.

Парень крепко пожал, надвинувшись телом, добавил почтительно и критично:

– Большой у вас город. Но много необжитого пространства.

– Ага, номайно! – гордо улыбнулся Толя. – Чо, пошите, посмоим на коесе...

– Мы только что на боулинге шары катали, – сказала Амина восторженно. Лукаво и холодно смотрели теперь её глаза. – А вы откуда?

– Из дома, – пожав плечами, ответила Света. Всегда вот Аминка набивала себе цену! Сейчас будет незаметно хвастаться, где гуляли, что

делали, что кушали и где катались на «точиле». Говорить радушно, с шутливо-преувеличенной любезностью о том, что могли бы их взять с собой, но просто не знали, как они к этому отнесутся. И во время этих «возлияний» лезть к Эрику, хитро привлекать его внимание. От мыслей о том, что завидовала подруге и хотела поменяться с ней местами, – стала казнить себя и ругать. Так шутовски нелепо сцеплялись в ней зависть, уважение и восторг перед отличной парой.

Амина и Эрик шли рядом, обнимались с каким-то привычным равнодушием, как будто давно общались, и между ними проскальзывал не только поцелуй. А Толя и Света тоже шагали рука об руку, но их разделял невидимый барьер. Не решались они обыкновенно взяться за руку или хотя бы для вида начать шептаться.

– Я зову Свету заниматься спотом, там ходят девочки из нашего касса и паалелли в наш ДК, пусть с нами потенируется. Лядом боибя и каатэ. Фитнес. Она пока сооблазит... ага, Светик?! – с ворчливым удовольствием Толя поглощал мороженое. – Э-э, будете хавать?

Эрик, вскинув редкие брови, возмутился, что ему предложили белое мороженое. Света больше одного не съедала. Амина, покачав головой, ответила с напускным безразличием:

– Диета!..

– Тогда!.. – засияло круглое Толино лицо в ярком свете душного дня. – Мне больше достанется! Ха-ха! – он закатился смехом, поглядывая то на удивлённого Эрика, то на спокойное лицо Амины. – Идите в баню! Мой пахан сазу туда посылает, если не по его нлаву.

– Куда ты посылаешь? – Эрик изменился в лице. Появилось напряжение. Оно гнетущим клубком перекатилось между Аминой и Светой. Первая ничем не выдала его, только выше подняла подбородок, а вторая из-под опущенных бровей осторожно осмотрела Эрика, точнее то, что в нём таилось.

– Уважение имей! – добавил Эрик угрожающе.

– Шуток не понимаете?! – погрузнев, отмахнулся Толя и замолчал. Воцарилась недолгая тишина.

На площадке выступал детский коллектив. Маленький мальчишка в широкой рубашке с длинными рукавами, украшенной пёстрыми цветами, выстукивал дробь чёрными каблуками красных сапог. Размахивая руками, он танцевал в резвом темпе, невозможном для его возраста.

«Как должно биться его сердце!» – подумала Света с некоторой гордостью. – «Сейчас попроси Эрика так станцевать, сможет ли? В Греции так не умеют.»

Из огромных старых колонок, расставленных по обе стороны высокой площадки, разливалась по парку негромкая музыка. Слышались восторженные крики прохожих, которые образовали зрительское ядро. И, перемешавшись с артистами в разных одеждах, наверняка дивились мелкому, но ловкому танцору.

Постепенно таял восторг, проходил трепет перед парнем Амины. Света видела в нём блестящий кусочек недоступного, изысканного, восхитительного мира. Он – сильный, красивый, с великолепной фигурой и крепким голосом, но не добродушный, как Толя, не весёлый, и с ним надолго не останешься. Почему? Света не знала, просто чувствовала...

«Аминка с ним напряжена», – осенило подругу. – «Идёт, как будто кол проглотила, смотрит вперёд.»

Эрик мельком и хмуро посмотрел на Толю, который забубнил себе под нос песню, выученную на музыке школе.

– Вставай, подымайся, абочий наод, вставай на вага, люд гоодный...

Казалось, не Толя раздражает, а парк, люди и цокот копыт серо-розового пони с густой гривой кремового цвета.

Свету охватило предчувствие беды. Зря пошли вместе гулять парами. Мнилось, что Эрик только и ждёт, как бы исправить Толю, уколоть, послушать глупости и посмеяться.

С проникновенной и весёлой ясностью заговорила Амина:

– На колесе прокатимся и пойдём в сосновый бор. Там миленькие лошадки.

Подруга будто улавливала эти странные волны, ощущала враждебные флюиды, исходящие от Эрика.

– Ага, только у меня бабла... – умоляюще начал Толя, и его пухлые губы надулись.

– Есть у меня! Я же говорила, – шлёпнула его Света по ягодице.

– Лады, не паимся!

На «Чёртовом колесе» Амина молчала, наслаждаясь видом. Со строгим и вдохновенным лицом она выглядела беззаботно-прекрасно. Сознавала себя предметом тайного восхищения. Эрик, держа её руку на своём волосатом колене, хранил угрюмо-насмешливое выражение. А когда он встречался с быстрыми и добрыми глазами Толи, то всматривался в них, словно пытаясь понять нечто недоступное.

– Мы ездим с паханом чезз Каму на паоме, – нарушив тишину, начал Толя. – Бли-ин. Мооженое таит, кто-нить схавает, ну? Светка, давай, суй уку в пакет и по одной! Так вот, Кама... ека меньше Вооги, но тоже большая, там ядом и Пеймь, и азные дугие года... шашлыки хаваи номайные!

Светка угукала, соглашаясь с тем, что и не требовало подтверждения. Толя молчал разную чушь, приправляя её глупыми анекдотами и скучными шутками, сам хохотал над ними. Хотя нет, Эрик посмеивался тоже, глядя наивно, с неприкрытым изучающим интересом. И Света поддерживала всё это вымученной улыбкой.

– В Гъеции номаль, почему пеехали оттуда? – дожёвывая последнее мороженое, спросил Толя.

Света, наклонившись к другу, прошептала с упрёком:

– Не спрашивай у него ничего.

– Докладывать обязан? – размяв шею правой рукой, бросил Эрик.

– Ты рх... ласказывай что-нить! – хмуро ответил Толя. От возмущения он чуть не выговорил «р». Осклабившись, спросил у Амины: – Слушай, как ты с ним тусуешься? Зависаете?

Амина, переведя томный взгляд на Толю, выдержала долгую паузу, словно наслаждаясь властью над ним. Ответила с привычным равнодушием:

– Некогда зависать: то в бильярд играем или в боулинг, в ресторанах сидим, курим кальян, на базах отдыха катаемся на картинге. Парень и должен быть молчалив. Он ведь не подружка-болтушка, – Амина с ироничной улыбкой посмотрела на Свету.

Они двигались на самом верху – над пиками деревьев, разноцветных шатров, ларьков и множеством снующих взад и вперёд людей. Красота обзора и слова Амины должны были отвлечь Эрика и Толю от какой-то непонятной вражды. Дрожащий холод бежал по телу Светы и делал кожу жёсткой, приподнимал и шевелил волосы на голове. В теле появилось ощущение лёгкости и свободы, точно она получила неожиданную способность полёта и может поделиться ей с остальными.

Кабинка медленно опускалась. Деревья начали расти. И вместе с ними возрастало неопределённое тоскливое беспокойство и напряжение. Света видела, что в Эрике снова просится наружу новый и лихорадочный порыв. Парень будто и вправду не знал, о чём говорить. Или знал прекрасно, но действовал по хитрому оговорённому плану. Света тоже могла болтать без умолку, рассказывая про то и про сё. Но почему-то сейчас тем для разговора не находилось. Мысли, приходящие в голову, казались глупыми. Ну что им рассказать? Как делает разные фигурки из спичек, клея и пластилина? Или как помогает маме по дому? В какой магазин идёт за молоком и на каком озере купается, когда жарко? Глупости какие! К тому же, как разговаривать, если каждый избегает взгляда соседа? Надо бы книги прочитать полезные! Во, хоошая мысль, как сказал бы Толя!

Все четверо вырвались из кабинки так быстро, точно она сильно раскалилась на солнце.

– Тепей куда пойдём? – спросил Толя. – Долго боодили. Мой пахан говоит в таком случае: одни налево, втоые – направо! «М» и «Ж». Нужда... – улыбнулся он сконфуженно.

– Не понял, конкретней объясняйся, – посоветовал Эрик с укоризной. – Ты вроде русский, а говоришь совершенно непонятно.

У Светы засосало под ложечкой, мерзкий холодок пробежал по коже. Она тонко чувствовала настроение двух парней.

– Да ладно! – сказала она необычным мягким и просительным тоном, затанцевав на месте. – Успокойтесь, – добавила тревожно и глухо.

– Ни фига не успокойтесь! – вдруг напористо произнёс Толя, сосредоточившись. – Вот скажи по-каифански, блатан, ты наываешься или павда иностранец? Если иностранец, то жестами будем говоить, языку же я не обучен геческому, а если наываешься, то можно ешить по-хоошему или по-плохому...

Амина оживилась, внимательно наблюдая за парнями. Света не видела её глаза сквозь чёрные очки, но знала, что они горят и не моргают. Толя, напрягшись, приготовился для боя. Эрик, выпрямившись, сжал руки в кулаки. Казалось, под влиянием чужой и таинственной силы они вот-вот разорвут друг друга, как львы, дерущиеся из-за самок.

– По-похому! – передразнил Эрик гнусавым тоном.

Покраснело лицо Толи, резкий взгляд больших голубых глаз стал сумрачнее. Он рванул с места, наклонив голову, и, согнув руки в локтях, поднял их, словно пытаясь сбить недруга.

– Бух, бух! – от Эрика последовало два сильных и чётких удара. Его длинные руки, как сверхбыстрые змеи, ловко миновали защиту, а кулаки по очереди врезались в голову Толи.

– Гад! – взревел Толя задрожавшим голосом. Аллея дрогнула от крика. Почудилось, что гулкие отзвуки напугали и деревья – то ли от ветра завибрировали их листья и ветки, то ли от звериного рыка. Оказавшись

вплотную с Эриком, Толя умело, по-борцовски схватил его обеими руками. Оторвав от земли, бросил с прогибом.

Драка завершилась мгновенно. Эрик, перевернувшись на живот, прикрыл лицо руками. Не вставал, не стонал, не мог опомниться. Амина, присев на корточки, положила руку на его плечо, шептала с преувеличенной нежностью, а сама глядела куда-то вперёд. Остановились люди. У одних, постарше, на лицах читалось недоумение, у вторых, помладше, – интерес и некоторый восторг.

– Что случилось? А-а?

Кто-то позвал, замахав рукой, предложил помощь.

Амина качала головой, отвернувшись.

Эрик не собирался продолжать бой. Но Толя выглядел грозно, наклонив вниз голову, точно бык, готовый нанести удар. Его выкаченные глаза сверкали, крепко сжатые зубы были хищно оскалены.

– Что с тобой, Толенька? Успокойся, – Света медленно взяла его за руку и погладила по предплечью. Она боялась.

Он одумался и заморгал, оглядываясь по сторонам. Оказался заметно сконфуженным из-за своего неистового порыва.

– Пошли отсюда, – предложила Света, осторожно осматривая лицо Толи: на брови над левым глазом вздулся синяк, второй был на щеке.

Встав с корточек, Амина подняла очки на лоб. На лице – неопределённое насмешливое и натянутое выражение, словно она боялась потерять репутацию непреклонной и несгибаемой хозяйки. Наконец закивала, прищурился глаза, и произнесла дрожащим шёпотом:

– Неплохо.

Но Света уже не видела её. Поведя Толю за руку, испытывала гордость за парня: он смог отстоять и свою честь и, наверное, её.

– Как ему вдаил! – помассировав синяк на брови, взорвался Толя. Жестикулируя, говорил и говорил оживлённо. Точно не было ни боя, ни синяков, а сходили на фантастический боевик, который и зарядил

впечатлениями. Толя игриво махал кулаками, без конца хватал невидимого противника из воздуха, производил различные броски, с видом знатока-тренера объяснял суть приёмов и, как показалась Свете, не картавил.

Напрыгавшись вокруг девочки, нахваставшись достижениями, Толя уgomонился. Шёл спокойно, держал Свету за руку, лицо его хранило строгое и одухотворённое выражение победителя.

– Приложи раствор бодяги, стоит недорого, – ласково посоветовала Света.

Но Толя, похоже, не собирался ничего скрывать. Мужчину украшают синяки.

В школе парень рассказал, где получил благородные ссадины и кого «завалил».

– Амина, ты с кем связалась? – спросила Арина насмешливо. Рома и другие воззрились на одноклассницу испытующе.

– Не говори, ласточка, – отмахнулась она, кивнув. – И на крутых «Тойотах» разъезжают слабаки!

Амина не вспоминала день в парке, показавшийся ей недостойным. Подойдя к Свете, позвала на соревнования. Достать несколько пригласительных ей не составило труда. Три прямоугольных глянцевых флаерочка угодили в руку Светы. Она с восторгом подумала о том, кого пригласит из кружка «спичечных дел», в который записалась.

– В них участвует и Купчевская!.. – с весёлостью в голосе добавила Амина. – Завтра последний день перед выходом. Поможешь подготовиться? Грушу поддержишь?

– Да, – не раздумывая, согласилась Света. Её сердце забилось чаще, пробежал по коже холодок.

Наступил день соревнований в огромном дворце спорта. Затем прошёл второй этап, где некоторых гостей, сидевших на vip-рядах, угостили бесплатными коктейлями и разными сладостями. Амина показала, на что способна. Прямо там, на круглой арене, вышла против Арины Купчевской.

Чёрно-красные боевые перчатки против бело-коричневых. Появилась и кровь на лице лучшей подруги, но, казалось, она жаждала её. Потому что после неё начала нападать со зверской и хитрой неожиданной силой.

Привязанность к этому человеку порой доводила Свету до исступления. Свете не хотелось даже заниматься любимым делом. Зачем? Ведь, по словам мудрой подруги, оно – хобби и не приносит дохода. На полках и на окне пылились корабли, суда и космические звездолёты, иные оригинальные поделки из спичек. Света умела мастерить теперь замысловатые фигуры также из медной проволоки. На выставке, где она заняла первое место, не появились ни мама, ни лучшая подруга. Мама работала сутками на новой работе, а подруга её не ценила. Наступило время, когда не хотелось строить ни замки, ни корабли, ни обыкновенные лачужки, которые так нравились старику-мастеру, руководителю секции.

– Светлана, молодец какая! – хвалил Андрей Павлович, наклонив свою круглую бледную лысую голову. Он стоял в сером длинном халате, аккуратно держал поделку. – Сейчас кое-какие события пройдут, и подадим документы на российскую выставку. Там и до международной недалеко. Можно зарабатывать творческим трудом, если всё действительно оригинальное. Понимаете, ребята, поделка, истинное произведение – не просто смесь чего-то с чем-то. Это ДУША! Как поговаривали в своих бессмертных трудах и классики, и учёные-конструкторы...

После внезапной смерти старого энтузиаста от сердечной недостаточности кружок закрыли. Теперь, время от времени, когда захочется, Света мастерила поделки дома. Это занятие дочери больше не поддерживала мать, считая не соответствующим возрасту. Отчим (мама снова вышла замуж после нескольких лет одиночества) говорил, что это простая блажь, и она пройдёт сама собой.

В голове и груди девушки царил такая пустота, что казалось, никогда не было ни мыслей, ни воспоминаний, ни чувств. Прошло два года, однако о школе, о беззаботной жизни Света вспоминала с грустью. Окончила

техникум, получила диплом бухгалтера, но работу по специальности не смогла найти. Всем нужен специалист с опытом, но как наработать опыт, если не берут на работу? С трудом нашла место в частной типографии. Сшиванием книг, «скобированием», «пробиванием», «обматыванием» разной дребедени Света занималась, как робот. На этом обязанности не оканчивались. По совместительству она подрабатывала техничкой. Матери следовало помогать: её здоровье пошатнулось, а работа вахтёрши не приносила необходимого заработка. За отсутствием времени личной жизни у девушки не было. Анатолий Скобяный уехал на север. И пусть. Света испытывала к нему лишь дружеские чувства, верила, что где-то вдали парень найдёт и себя, и вторую половинку. Разъехалась большая часть друзей и знакомых: кто за рубеж, кто в столицу или на север. Они общались только письмами по электронной почте. Переписывались и обменивались голосовыми сообщениями.

«Хорошо здесь, заработок приличный!»

«Нашла друзей, отмечаем юбилей организации!»

«Работаю много, получаю по достоинству. Ни в чём себе не отказываю!»

Читала Света короткие сообщения и понимала одно – она потерялась в пыльном и сером городе, где вряд ли станет счастливой. Так тоскливо чувствовать старых приятелей на огромном расстоянии! Как бы она хотела пожить их жизнью хоть недолго, увидеть и познать то, что видели и ощущали они, порадоваться достатку, понять, что нужна обществу и самой себе. Спасала Амина. Она единственная из настоящих друзей, кто остался рядом. Лучшая подруга навевалась неожиданно. Бывало, Света, уставшая и раздражённая, выходила из типографии холодным зимним вечером, а у крыльца ожидала машина. Облокотившись на авто, стояла крутая крашеная блондинка в кожаной куртке с бобровым воротником. Со скучающим и томным видом курила сигарету, держа её на вытянутых пальцах, слегка отстранив. Каждые несколько месяцев она меняла машины. Однажды приехала на серебристом «Нисане», через время – на золотистой «Тойоте»,

затем – на лиловой «Ауди». Отец поделился бизнесом с дочерью, и она жила теперь в центре города недалеко от работы – автомобильного салона. Амина работала старшим менеджером компании «Авто-Центавра» и занималась торговлей. В ней она понимала толк. Одновременно училась заочно в вузе. И не только разбиралась в машинах и менеджменте, но и в людях. Подруга с точностью вычислительной системы компьютера знала, с кем следовало заводить дружбу, а кого – лишь держать на дистанции. Она была очень занятой. Мероприятия, «корпоративки», командировки... По выходным и то не всегда Амина могла уделить Свете время.

Но сегодня раздался звонок по мобильному телефону.

– Во сколько закончишь? – спросила Амина кратко. – Буду проезжать, заберу.

– В шесть где-то! – радостно ответила Света.

К шести, по обыкновенному графику, типография не завершила работу. Её навалилось столько, что казалось, и после восьми не справиться.

– Премия, большая премия!.. – обещал начальник своим немногочисленным работникам.

Снова гроши к получке! Света набрала номер Амины, но её телефон был занят.

«Приедет и рассердится, блин», – подумала Света.

Света очень торопилась и освободилась после семи часов.

– Как работа? – спросила Амина с ласковой насмешливостью. – Знаешь, что такое час моей жизни? Это график. В данном случае – его нарушение! Забей, мышонок.

Амина не сердилась. На её выразительном смуглом лице лежала печать сочувствия.

Они проехали поворот на знакомую дорогу, по которой Света каждый день ездила в автобусе на работу и обратно.

– Я рассержена на тебя, понимаешь? – сказала Амина. Казалось, в ней проснулось неизжитое детское ожесточение. Шепчущим недовольным тоном

и пристально-беспощадным взглядом она напоминала маленькую мучительницу своих собственных кукол. Как же она обращалась со своими работниками? Наверное, штрафовала за каждую мелкую провинность. С глазами, ставшими вдруг неестественно маленькими и горящими, она нащупала похолодевшую руку Светы. И сжала, слегка улыбаясь, точно наслаждалась её холодом и слабостью.

– Мы не к тебе. Ты со мной? – вдруг ласково спросила Амина.

Света страдальчески, застенчиво улыбнулась и ответила чуть задрожавшим голосом:

– Конечно.

Шевелилась в голове лукаво-невинная мысль, что её терпеливая покорность смягчит подругу.

– На днях будет соревнование на гонках, – предупредила Амина. – Я выступаю, поэтому мне собрали неплохую натюнингованную тачку. Приглашаю посмотреть! Кстати... – она деловито покрутила головой, прищурившись.

– Что-что? – залепетала Света нетерпеливо. Закричал в душе ликующий голос.

– Дело есть к тебе! – вкрадчиво ответила она. – Очень выгодное, требующее твоей сознательности, ответственности.

Света замерла в ожидании – Амина была источником идей. Её прелестная, умная голова могла раз и навсегда изменить Светину «дешёвую» и скучную жизнь.

– Но мне нужна покорность! – добавила подруга с ясной убедительностью. – Насколько ты будешь верна мне, своему начальнику...

– Я ни разу тебя не предала, – с обидой и недовольством обронила Света.

– Да? Годом раньше ты с кем предпочла проводить время? – напористо напомнила Амина. – Где гарантия, что это не повторится?

– Перестань, Аминка, – умоляюще посмотрела Света, чувствуя необъяснимую трусливую привязанность. – Ты много раз выбирала прогулку с парнем, а не со мной.

– Выбирала, но это не приносило удовольствия. Так!.. – отмахнулась она, переключив скорость. – Разнообразие и не более.

Они поехали в центр города. Поужинали в ресторане за счёт щедрой Амины, выпили по дорогомому экзотическому коктейлю, расслабились. Ими овладела ребяческая спесь и весёлость, когда стали обсуждать старых знакомых, их достоинства или – наоборот – недостатки. Давно они так просто не лакомились в действительно шикарном заведении. По крайней мере, Света только раз позволила себе заглянуть в настоящий ресторан и вышла, поразившись ценнику. Ей казалось, что рестораны и дорогие клубы – не для её статуса. Что-то древнее и навязчивое, поселившееся в ней, сухо подсказывало никогда не посещать эти мишурные и вычурные места. Но Амина, оголив крепкие и красивые плечи, здорово подбодрила.

– Ты что, Светик? Ни разу не пробовала фаршированного ужа? Уж для аристократии, для НАС.

Простой, но прекрасный мотив, который играли два музыканта – пианист и гитарист, – казалось, украшал Амину волнами такого изумительного света, что смотреть на неё было трудно. То ли дым от изящных бледно-фиолетовых сигарет резал глаза Светы, то ли её растрогали собственные мысли, но она была готова расплакаться на плече подруги.

– Мы с тобой избранные! – в глазах Амины сверкали тёплые искры внимания. Затянувшись, она выпустила прямую серую струю дыма вверх. Заговорила с привычной суровой повелительностью:

– Слушай меня и, возможно, что и получится с твоими поделками.

ПОДЕЛКИ!

– Мои спичечные корабли и домики... – произнесла Света беззвучно, шевеля губами, как безумная. Проникнутая вдохновением, она расцвела, мгновенно прослезившись. И курящие пары, и музыканты, и столы,

накрытые нежными иссиня-белыми скатертями, и даже один хмурый молодой официант – показались настолько родными, что Света счастливо вздохнула, сложив руки на груди. Подруга задела трепетную струну. На секунду почудилось, что Амина говорила устами ангела, снизошедшего в этот посветлевший мир.

– Ты меня слышишь, зайчонок? – зазвенел её смех с горячей, животной, радостной дрожью. Она упивалась покорно-вялым видом растроганной подруги. – Поедешь со мной в Америку? Ну же, глупышка!.. Ха-ха... – заходили, завибрировали её круглые оголённые плечи. Дерзкая и бравая Амина вселяла уверенность в будущем одним только игривым взглядом, в котором мерцали искры силы большой и всепобеждающей. Золотые шёлковистые волосы спадали крупными локонами вокруг её высокого, чистого лба. Их мягкий отсвет, казалось, оттенял длинные ресницы. – Сначала поработаешь, кем придётся, кем работают студенты. Затем я закончу одно дельце и возьмусь за тебя серьёзно. Перекантуемся в Нью-Йорке. Дай руку...

После сказанного Света не сдержала слёз. Они текли по щекам, собираясь на подбородке, словно капли дождя. Алкоголь действовал на неё, превращая в маленькую умилённую девочку. Она протянула руку к Амине и почувствовала, как тёплая и нежная паутина укутывает тело. Прикрыв белую руку Светы своими тёмными и нежными, как пастила, Амина сделала ласковые одобрительные глаза и произнесла с пьяным лукавством:

– Только мне нужна твоя покорность. Полное подчинение... иначе не выйдет.

Какими смешными, бессмысленными показались эти слова.

– Да! – ответила она развязно. Амина и в детстве рвалась к первенству, и Свете втайне нравилось это качество в лучшей подруге.

– Поехали ко мне, расскажу подробней, – попросила та.

Неожиданный эмоциональный подъём привёл распалённую Свету в квартиру Амины. С игривой улыбкой затолкнув Свету в коридор, подруга быстро закрыла дверь на два замка, а ключ...

– Фокус!.. – весело бросила Амина, произведя незамысловатое движение руками, поднятыми вверх. – Достань ключ, он там, в ладонях.

Света встала на носочки и потянулась, нащупав пустые ладони подруги.

– Обманщица! – прыснула она со смеху. Вдруг тело её стало лёгким и податливым, когда Амина резко сомкнула свои руки у неё на талии. Она вмиг ощутила сильные продолговатые пальцы Амины, которые слегка надавливали на её рёбра под взмокшей от пота рубашкой.

Амина жила одна в огромной двухкомнатной квартире в элитном многоэтажном доме. Квартира поражала своим бездушием и пустотой. В зале находилось самое необходимое – кожаный диван, два кресла, стол, на котором лежал наполовину открытый большущий ноутбук. Ни плюшевых игрушек, ни украшений – ничего не осталось от прежней Амины из детства. Хотя нет... открыв дверцы изящной стенки, она вынесла маленький спичечный пёстрый домик – старый подарок на день рождения.

– Мне рассказали об одном перспективном сообществе, оно не здесь, конечно, – с умилением в голосе сказала Амина, улыбаясь, медленно вертя в руках домик. – Свяжемся с ними на месте.

– Здорово! – Света запрыгала, захлопала в ладоши. – Когда поедем Аминка, когда?

– Скоро, зайчонок, скоро, – ответила она сухо и задумчиво, спрятав домик у себя за спиной. – Помни: покорность! Я знаю, что делать и зачем, поэтому слушай внимательно, – она поманила пальцем Свету, и когда та подошла, Амина шепнула ей на ухо: – Прими душ. Отмокни.

Горячая вода расслабила. На миг Света почувствовала себя счастливой обладательницей того, чем распорядилась подруга. Так приятно было нежиться в круглой ванне, заполненной душистой пенной водой и мечтать о переезде в США, о путешествии к легендарной статуе Свободы и к Белому

дому, где живёт тот самый великий президент. Она даже начала разговаривать сама с собой, представляя, что прибыла с Аминой в гигантский и грандиозно-шумный город Нью-Йорк и слушает непонятную, но очень интересную речь впечатлительных американцев.

«Она меня ждёт!» – эта мысль, словно прорезала мозг. Света резко поднялась и, стыдливо рассмотрев в зеркале своё плоское тело и по-девичьи нескладные узкие бёдра, включила душ.

В голове ещё блуждали тревожно-прекрасные мысли, когда она увидела полуобнажённое тело Амины, – сильное, точно у богини, натренированное. Молочно-шоколадное, крепкое, идеальное тело, казалось, принадлежало мифически-красивой девушке-воину со средневековой гравюры.

– Ближе, – с неестественной холодностью позвала Амина. На диване лежала, изогнувшись, чёрная плётка. Мокрым серебром блестел тонкий хомут, стянувший несколько угрожающе длинных плетей. – Покорность, забыла?..

– Не-ет, – обронила Света.

Амина наскочила на неё, словно ворон, готовый выклевать душу. Судорожно освободила от одежды. На секунду Свете показалось, что если станет сопротивляться, то подруга убьёт.

Насмешливо дрогнули уголки губ Амины, когда она рассмотрела Свету и заключила:

– Всё такая же больная худаба. Заниматься следовало.

В своём неистовом порыве Амина успела вылить гнев, удовлетворить жажду власти, глядя на унижение подруги. Слова, которые произнесла «тёмная королева» с высокомерием и презрением, заставили Свету задрожать:

– Делай, как я скажу... помнишь цыганок в детстве в гаражах?

Амина снисходительно засмеялась, смотря пристальным пожирающим взглядом. Света застыла от стыда, любви и сладкого трепета перед сильной и непреклонной в гневе богиней.

Для развлечения находилось множество предметов. И все превращали Свету в пошлую, униженную и дрожащую вещь.

Солнце садилось за дальними городскими крышами. Плотная корка снега на них тёмно и чётко выделялась в малиновой полосе заката. Против зари розовела неровная линия сугробов за невысокой металлической изгородью. Она тянулась к потемневшим и старым пятиэтажкам, казавшимся такими забытыми, грустными и маленькими по сравнению со зданиями элитного блока, осиянного ярко-жёлтыми огнями на фонарных столбах.

Проснувшись от навязчивого звука будильника, Света нашла записку. В ней говорилось, чтобы она позавтракала тем, что найдёт в холодильнике, и захлопнула дверь. Затем уволилась с работы и ждала звонка.

Вчерашняя теплота за прошедшую ночь растворилась бесследно, дом наполняла промозглость. Быстро одевшись, она с дрожью и омерзением вспоминала свою недавнюю беспомощность и податливость. Она была уже не той маленькой безвольной девочкой, которую можно заманить, использовать и обмануть. Она рассердилась, всхлипнув от обиды. Чувствуя, что от холода покрывается мурашками, встала перед зеркалом в коридоре, сказала с напыщенным и мстительным видом:

– Я сама себе хозяйин и никого не слушаю. Бедная... ну и что?

Слова, произнесённые с мужеством и вдохновением, придали ей сил.

Она торопливо ушла из квартиры. Забравшись в автобус, битком набитый сонными людьми, ехала на работу, ощущая себя одинокой, тоскующей во враждебном месте холодного и мерзкого города. Света отрешённо думала всю дорогу, механически пробегая глазами по неподвижным, небритым, как будто замёрзшим, пустым лицам. Казалось, что за её хаотичными мыслями следит кто-то сильный, страшный и властный, исподволь хитро напоминая о своём присутствии. Она была одета тепло – в толстую шерстяную кофту и куртку, но девушку морозило.

Выполняя привычную наскучившую работу, она, наконец, решила уволиться и довериться подруге. Отчасти этому помог сухой и надоедливый голос начальника:

– Сегодня задержимся, большой заказ требует времени! Премия на кону...

– Знаете, – обратилась она уверенно, выйдя из-за стола, заваленного кучей обложек и стопок бумаг. – Покажите образец заявления на увольнение. Я нашла работу лучше.

– Да-а?! – неприятно изумившись, протянул Андрей Евграфович. – Вот не ожидал, Светлана Александровна.

Сердце дрогнуло, закрались сомнения: а правильно ли она поступает. Может, запуталась? Сколько девушек теряет работу и заработок ради воздушных замков? Пусть Амина воспользовалась ей, но она не обманывала, не в её это манере. С этими мрачными мыслями Света готовилась покинуть захудалое помещение типографии.

Она возвращалась домой. В кармане завибрировало. Гудел мобильный телефон. На дисплее мерцала «Аминка».

– Да, да... – в ожидании застыла Света, напряжённо держа трубку около уха.

– Написала? – кратко спросила подруга. В трубке шумела музыка, и слышались чей-то хохот и крики.

– Как ты и сказала.

– Молодец, зайчонок! – ласково и тихо засмеялась Амина. – Я тебя люблю. Пару дней подожди. И слушай...

Света напряглась, вслушиваясь в неожиданно возникшую тишину.

– Постригись под каре, тебе пойдёт. До скорого, зайчонок!

Прошло два дня. Света не раз набирала номер Амины. Но абонент находился вне зоны действия сети. Ожидание угнетало. Шумело в ушах от тишины, наступающей по вечерам, и Света уходила на короткую прогулку до магазина и обратно. И там, недалеко, встретила цыганку Салю, которая тоже

шла за покупками. Детский страх сначала заставил похолодеть перед старым обидчиком, но потом она обрадовалась – Саля напоминала об Амине.

– Привет! – Света первая помахала рукой. Маленьким колокольчиком прозвенел её голос. – Как дела? Что нового?

– О-о, – приятно удивилась Саля. Цыганка была на вид состоятельной, в шубе и собольей шапке, и с огоньками хитрецы в глазах. – Ничего, живём. А ты как? – с любопытством поинтересовалась она.

– Лучше не спрашивай, – вздохнув, опустила голову Света.

Цыганка торопилась, а Свете хотелось поболтать, расспросить о той пухлой девчонке.

– Пока, увидимся, – улыбнулась Саля, сверкнув белыми зубами.

Шёл снег, на улице потеплело, но Света не выходила. Стало стыдно показываться на людях без работы, без уверенности в будущем. Мама глядела на дочь с молчаливым состраданием. Чувствуя терзания Светы, она пыталась её подбадривать. Вечером они тихо шушукались в зале. Вот так славно было сидеть с ней при неярком свете бра и ни о чём не думать.

– Пройдём, доча, – со слабой и наигранной уверенностью отмахнулась мама. За последнее время её лицо осунулось, под глазами виднелись бледно-серые мешки, а руки трудно, болезненно поднимались вверх, когда она вытирала пыль со шкафов. Не хворала ли она? Конечно, болели суставы. Сказывался возраст: она становилась не той весёлой и крепкой женщиной, которая всегда сохраняла бодрость души.

– Нет, мам, – не моргая, поглядела Света в окно на неистовствующую снежную бурю. Здесь, в Сибири, она особенно бушевала по вечерам. Словно чувствуя людскую тоску и грусть в эти минуты, буря ярилась, завывая, чертя в потеплевшем воздухе чудные узоры. – Я устроюсь на работу в США и помогу.

Длинный бело-жёлтый, испещрённый миллионами снежных частиц свет от фар прорезал законное пространство. К изгороди подъехала белая «BMW». Из машины слышалась негромкая музыка, затем раздалось

несколько протяжных сигналов. Невероятный подъём ощутила Света, ей показалось, что она парит на лёгких волнах. Накинув куртку, она выбежала на улицу в домашних тапочках.

– Простудишься, ты что! – бросила Амина укоризненно, выглядывая из приоткрытого окна. – Садись скорей.

Амина сделала музыку так тихо, что из динамиков магнитолы исходил приятный шелест. Радостная Света прыгнула на заднее мягкое сиденье. В салоне пахло великолепно: ароматом ромашки с примесью сладкой ванили. Было так восхитительно тепло, бесшумно работала печка, которую только что включила заботливая подруга.

– Я так скучала! – возбуждённо прозвенел голос Амины. Нажатием кнопки она откинула сиденье. Повернувшись, вся восторженная и цветущая, словно роза, протянула руки к Свете. Подруги горячо обнялись и поцеловались.

– Зайчонок, пришёл контракт, вот он, – Амина достала из бардачка прозрачную бледно-жёлтую папку, ловко выудила несколько бумаг со штампом. На них было написано по-английски красивыми фигурными красно-сине-зелёными буквами: «Mac Donald's Contract». Остальные листы оказалось не разобрать: стоило Свете посмотреть на резкие и мелкие иностранные буквы, на кое-где подчёркнутые и выделенные полужирным предложения, как её голова начинала кружиться. Поняв, что подруга в растерянности, Амина показала её имя в строке “name” и фамилию в строке “surname”. Точно!

– Мой контракт, – Света захлопала в ладоши. Пожалуй, своё имя и фамилию она могла различить. Всё-таки не зря прошли уроки английского языка в школе.

– Поставь подпись и слушай меня! – прошептала Амина, ласково погладив её шею и обветренные щёки. – Откроем рабочую визу. На год, – она говорила вдохновенно, а перед глазами Светы уже крутились в неоновых огнях латиноамериканцы, лысые или с густой шевелюрой, в золотых и

серебряных браслетах читающие рэп, восставали громадные небоскрёбы с маленькими, но блестящими окнами.

– Ты слушаешь? – Амина навязчиво тронула грудь Светы. – Мечтать будем за океаном, сначала надо разобраться с формальностями и прилететь на место. Идём дальше... жить будешь пока одна... нет, можно поселить тебя с какими-нибудь турчанками, индусками или неандертальцами-мексиканками в апартаменты компании, но не желательно. Они... – глаза Амины расширились, а губы стянулись некрасивым сморщенным бантиком. – У каждого своё поведение и настроение. Зачем подстраиваться? Лишний дискомфорт ни к чему. Да и, слышала, они берут без разрешения вещи... Всего не опишешь, долго. Я прочитала несколько сочинений на тему «Как я провела лето в Америке». И на работе рассказывали мне много. Трудности в основном психологического характера. Поначалу, конечно. Привычка, мама далеко...

– Я самостоятельная девушка! – напористо ответила Света. – Заработаю, чтобы помочь и матери. Лучше скажи, сколько платят в месяц? Рабочий день... – она задохнулась не от возмущения, не от прилива адреналина.

То ли будоражил ароматный воздух в салоне, то ли она была возбуждена от неожиданной встречи с подругой, но дыхание захватывало, и появилась лёгкая холодная дрожь. Кожа стала упругой и прохладной, гусиной. Назревало нечто непредсказуемое и смутное. Какая-то странная энергия передавалась ей от Амины. Света улавливала её бессознательно в развязной улыбке, в нежном голосе и в сверкающих глазах подруги, которые теперь глядели хищно.

– Самостоятельная?.. – словно не веря, повторила Амина. – Посмотрим. Поехали ко мне, расскажу про Америку и работу «кукера» в «Мак Дональдсе» подробно.

– Поехали, – не сразу согласилась Света. – Оденусь и предупрежу...

Забежав домой, Света некоторое время смотрела в окно на крутую тачку Амины. Почувствовав на себе тёплую и мягкую руку, вздрогнула,

оглянулась. Мама стояла рядом, с надеждой и любовью глядела на единственную дочь, наконец сказала:

– Вы очень разные, Свет. Если она тебе поможет устроиться, то дерзай. Второго шанса может не быть. Но... – она вдруг подняла указательный палец, и выражение её доброго и наивного лица стало настороженным и задумчивым. – Живи с умом!

– Да, мам, – кивнула Света слегка растерянно и, отведя загоревшийся взгляд, выронила: – Сегодня останусь у Амины: расскажет о работе, да и кое-что нужно решить.

На следующий день Света подала документы на оформление заграничного паспорта. Амина повезла её в фирменный магазин одежды, где накупила шикарного добра. Свету было не узнать.

– Американская аристократка! – торжественно изрекла Амина. – Паспорт делается не сразу. Тебе бы на курсы английского походить, вспомнить, чему учили. Примерно за месяц выучишь разговорный, если постараться, а я знаю – ты старательный зайчонок!

Свои сбережения Света начала вкладывать в обучение языку, тому самому – английскому, за который в школе ставили одни «тройки». Курсы вела знакомая Амины – Эдуарда, поэтому сделали скидку. Интенсивно и жадно штудировала Света иностранный язык. В ней вдруг вспыхнула жажда познания. С теперешним энтузиазмом да в школу – выучила бы «инглиш» на «эксэлэнт»! Амина взяла над Светой шефство: теперь ни единого шага «зайчонок» не делала без хозяйкиного присмотра. С одной стороны, было здорово, что за ней следил такой мудрый, сильный и приятный человек, однако, с другой – Свету не покидало ощущение, что всё непредсказуемо и зыбко, что доброта подруги может неожиданно прекратиться. Свету охватывала стыдливая благодарность, когда Амина делала свои щедрые одолжения. Света знала: за них она обязана платить. И днём, оставленная дожидаться в полупустой квартире подруги, и ночью, ворочаясь дома в постели, она с умилением и самоотверженной преданностью вызывала в себе

сладко-брезгливую покорность рабыни, созревшей для истязаний сердитой хозяйки. Податливость и слабость Света старалась искоренить, обещая себе не поддаваться хитростям, но каждый раз, слушая Амину, забывала об этом. Уходила в торжественную простоту уединения, безмолвного, глухого, как иногда майская ночь, но горько-страстного и покорного. Амина хорошо понимала психологическое значение мелочей, умела доводить до иступления – перечить ей не имело смысла. Оставалось ждать и надеяться на лучшее.

Заграничный паспорт был готов, куплены билеты на самолёт. Сначала – в столицу, а затем – в самый огромный и шумный город Америки. НЬЮ-ЙОРК!

Высокое солнце било в окна. Полоса жаркого света улеглась на кафельный пол слева от широкой прибранной постели Амины. Подруги упаковывали чемоданы. Царило праздничное настроение. Света суетилась. С охапкой вещей носилась вокруг Амины, топоча босыми ногами по тёплым плиткам. Ей овладела беззаботная оживлённость. Смелая и радостная волна подхватила и понесла легко и сладко. Самолёт! Самолёт! Они, наконец-то, полетят. Несколько часов над океаном. Страшно и прекрасно одновременно. Амина – благородная спасительница, вызволившая подругу из сумрачного и затхлого пространства родного городка. Из вакуума, приторного и разрушающего. Света баловалась, как ребёнок, похохатывая, кидаясь то рубашкой, то футболкой и штанами. Зато Аминка сегодня выглядела вяло. Болел живот, блуждала по телу разоруживающая слабость, не хотелось ни разговаривать, ни делать резких движений.

– Перестань, не то шлёпну! – пригрозила она кулаком. – Напрашиваешься... Давно я тебя не шлёпала. погоди, доберусь, проказница!

С бушующим нетерпением они ехали в аэропорт на машине. Там их встретила Аминина сослуживица – такая же высокая, стройная и крепкая загорелая девушка. С неприкрытым интересом она разглядела Свету, села в машину и умчалась. Время отлёта из Москвы в Нью-Йорк вышло такое, что

лишь пара часов оставалась на отдых. Света ни разу не летала на самолёте. От радости она обнимала и тискала подругу.

Поднялся в небо самолёт «Аэрофлота».

– Гамбургеров в Америке много, а можно кушать картошку из «Мак Дональдс», если хочется?.. Где находится работа... возле дома? На чём туда добираться? Можно купить велосипед? Я мечтаю о велике, спортивном, на амортизаторах. Когда едешь на велике даже медленно, у тебя такое чувство, будто летаешь... – Свету прорвало. Она не давала Амине прикорнуть. В самолёте старшая подруга ощущала себя зажато и растерянно. Она будто испугалась замкнутого пространства. Пожалуй, это единственная слабость Амины, увиденная Светой за множество лет.

– Примерно в сорока минутах езды на велосипеде, – ответила Амина, закрыв глаза. – Брать ничего нельзя без разрешения...

Амина замолчала с недовольно-тоскливым видом, и Света успокоилась тоже: она наконец-то почувствовала некую власть над ослабевшей подругой и тихо упивалась ей.

Аэропорт «Шереметьево» – огромный и шумный. Столь пёстрое скопление людей Света видела только по телевизору. Так прекрасно было наблюдать за ними, рассматривая разноцветную необычную одежду. Точнее, облака из одежд. Люди менялись, как картинки в детском калейдоскопе. Тёмнокожие стремились одеться в белые цвета, светлые – в тёмные. Как те, так и другие, катя за собой чемоданы, бросали огненные взгляды по сторонам. Особенно возле кассы многие выглядели взволновано, изъяснялись на английском, жестикулируя. Так быстро и выразительно менялись их лица – мясистые, большие, резкие, маленькие, овальные. Вслушиваться в речь, гаркающую, стрекочущую, певучую и просто непонятно-плавную – потрясающе. Стоило лишь улыбнуться, сказать иностранцу «Хай!» или «Хау а ю?», как они улыбались и отвечали.

– Не паясничай! – кинула Амина. – Получишь! Ты не в Америке ещё. Видишь, москали одеты без излишеств, почти как мы, только со вкусом.

Приезжие – европейцы, азиаты и прочие – закутали себя и нацепили бряцки. Что тут распыляться? Будет у тебя время! – последние слова Амина выбросила с высокомерием и злобным торжеством. И невольно ли она больно сжала руку Светы в запястье, одёрнув, словно избаловавшегося ребёнка?

Прошипев и дёрнувшись, Света обиженно отвернулась и шла тихо.

Как ни выглядывала она в окна, но не увидела ни Кремля, ни других известных достопримечательностей. Не одна она пыталась увидеть их отсюда. Некоторые наивные иностранцы намеревались так же увидеть сердце Москвы. Вытягивая шею, снимая шляпу, прижимались щекой к стеклу и замирали. Затем раздосадованные возвращались, бормоча.

Амина пообещала накормить в аэропорту. Рис и сосиска с кетчупом, серый хлеб и чай с лимоном – стоили одну шестую зарплаты в типографии. Света категорически отказалась есть даже за счёт Амины. Но кушать по-прежнему хотелось. Внутри аэропорта находилось кафе «Friday's». Ещё в родном городе Света мечтала сходить в него. Пахло оттуда замечательно, иностранцы сворачивали к нему невольно. Готовили там жареную и пряную вкуснотищу.

– Здесь недорого, – предложила Амина, улыбнувшись украдкой.

Через несколько минут, когда Света со зверским аппетитом поглощала острый говяжий стейк, тушённые в пряностях баклажаны, хрустящий прохладный сельдерей и картошку «фри», Амина случайно сообщила:

– За двоих у нас уйдёт более трёх тысяч, но не волнуйся, плачу-то я!

Теперь вкуснотища с трудом лезла в рот, и как-то неправильно продвигалась по кишечнику, скребя нутро.

Самолёт «British Airlines», летящий через океан, отличался от аэрофлотовского. И размерами, и ярким внешним оформлением, не говоря о комфорте полёта. Кресла в нём – шире и мягче, сок приносили на выбор, стоило нажать кнопку. В программу десятичасового перелёта входило кино. Точнее, три новых фильма, которые Света не видела. Только слышала, что

они недавно прошли в кинотеатрах родной провинции. Амина взбодрилась и начала строго проверять уровень английского языка подруги. И правда, за месяц Света вспомнила тот разговорный минимум, который потребуется на улицах Нью-Йорка. Но всё-таки в деталях «плавала»: изъяснялась избитыми фразами-клише, не знала синонимов, отвечала, как робот со слабым процессором, спрашивала прямолинейно и сухо. Однако звуки произносила правильно и чётко. В кармане сумки она держала небольшой разговорник официально-делового стиля. Листала его судорожно, стоило Амине употребить незнакомые комбинации слов.

– Поверь, не понадобится, – покачала головой подруга. – На должность в Белый дом не пригласят.

Всегда она подшучивала колко. Но сейчас – ласково улыбалась, будто девчонка-пятиклассница, знающая больше, чем её глупенькая подружка.

– Хотя нет, я тебя устрою уборщицей в Белый дом, Светка... – Амина захохотала заливисто, прикрывшись ладошкой, несколько раз нажала на кнопку вызова на подлокотнике соседки. – Ты хочешь сока!

– Обалдела, Аминка! – нахмурилась Света, оттолкнув руку подруги.

Появилась невысокая и худенькая смуглая стюардесса в смешной бледно-синей кепке.

– Прошу... – сказала с мягким акцентом, держа поднос.

Света и Амина дружно расхохотались, приняв тетрапак персикового сока и пластиковые стаканчики.

Так мило запросто шутить, не стесняясь соседей, болтать без умолку, толкаться, как в детстве из-за пустяка, ощущать беззаботно-счастливое время.

– Амина, – вдруг произнесла Света отрешённо. Задор прошёл, исчез эмоциональный подъём, и накатило лёгкое утомление. – Мы ведь будем, как прежде – в детстве?.. Имею в виду: мы же те самые девчонки с одной улицы!

Подруга задумалась, откинувшись на спинку сиденья. Выразительные черты золотисто-шоколадного загорелого лица хранили философское

спокойствие. Наконец, не боясь потерять репутацию циника, она глухо и неохотно ответила:

– Да, мы девчонки с Красногвардейской, точно такие, как прежде...

Амина сложила ногу на ногу и равнодушно поглядела в окно. Она была в коротких шортиках. Невольно бросались в глаза изящный изгиб её гладких тёмных ног и округлости крепких бёдер.

– Слушай, – внезапно повернулась она и потянула Свету за шею. – Поспи, за океаном будет много дел.

Сердце Светы дрогнуло, вдруг она сделалась настолько слабой, что не могла и минуты продержаться глаза открытыми. Нацепив повязку, откинула спинку кресла. И погрузилась в тяжёлый сон.

Движение в прохладном зимнем Нью-Йорке было грандиозным. Люди двигались большим пёстрым потоком. Машины застревали на месте в пробках. Тяжело и медленно ползли куда-то в огромные и промозглые тени, отбрасываемые высоченными бледно-коричневыми и тёмно-серыми небоскрёбами. Повсюду раздавались шумы и сигналы: протяжные и певучие, отрывистые и тонкие. Толпы разномастного народа в светлых утеплённых одеждах словно выливались из тёмных нор метро. Радужными массами они блуждали взад и вперёд, как будто бесцельно, хотя нет... их сосредоточенные таинственные лица выражали множество нюансов. Устремление, увлечение, какое-то скрытое и тревожное ожидание окончания пути. Слышались голоса: равнодушные, усталые, восторженные и громкие. Каждый нёс своё настроение, которое было понятно всем, но никому не передавалось.

Света с Аминой, поддавшись всеобщему сумасшедшему ритму, понесли с чемоданами по улице. Тонкий слой сероватого снега лежал на асфальте, на мостовых и на крышах. В переулках, заставленных квадратными железными мусорными бочками, причудливо замёрзла грязь. Стоило лучу солнца загадочным образом проникнуть туда, грязь светилась, излучая гамму сине-фиолетовых оттенков.

– Бензин, мазут, лёд и грязь – много машин, – сказала Амина, не глядя и скороговоркой. Стоило Свете приметить необычное, как Амина превращалась во всезнающую бестию и читала мысли подруги.

Со стороны стоянки к ним ринулся невысокий латиноамериканец в жёлтой куртке с белым шерстяным воротником. Он лепетал на бегу, жуя и глотая слова. Наконец остановился и принял у девушек чемоданы.

Ох, сколько разных смельчаков, которые зарабатывали деньги, развлекая зевак. Свете хотелось остановиться и каждому подать денежку, но Амина торопила, шла за латиноамериканцем, как запрограммированная кукла.

– Файв доллэз! – дорогу преградил здоровенный негр в драной толстой куртке. Он держал жестяную баночку и глядел пустым взглядом куда-то поверх их голов.

Послушно протянув пятидолларовую купюру, Амина освободила ход. Дотацив поклажу до такси, приткий латиноамериканец вертел руками, словно закручивал лампочки, и лепетал непонятное. Амина и ему предложила пять долларов.

Такси потянулось по адресу, указанному на карте чёрным маркером, продвигаясь на западную окраину Нью-Йорка, в квартал «Десвола», как называли его местные. Амина равнодушно отвечала на вопросы весельчака-таксиста, который пытался развлечь пассажиров. Говорил он так же быстро, но чётко, намного лучше и понятней носильщика. Света, вслушиваясь в эмоциональную речь американца, различала много знакомых слов, но говорить не решалась. Бессознательно она чувствовала барьер. С тех пор, как подруги вышли из самолёта, Амина перестала говорить по-русски. Казалось, вообще перестала быть прежней, весёлой и внимательной, подругой.

– Света, тебя высадят возле офиса, – наконец повернулась Амина. – Представишься и попросишь ключи от апартаментов № 49. Думаю, проводят.

Преданный и счастливый восторг холодком пробежал по телу Светы, сделал кожу рук и ног жёсткой.

– Да! – радостно бросила Света. – А ты когда приедешь?

– Скоро-скоро, – кивнула она, натянуто улыбнувшись. Взгляд её сделался быстрым и острым. – Денег, которые ты наменяла в банке, хватит на несколько недель, даже если транжирить.

– Можно с тобой? – с надеждой спросила Света.

– Нет, – ласково возразила Амина. – Ты ведь хочешь, чтобы всё удалось и работа пошла. Поэтому, будь добра, подожди. С мобильного не звони, минута – дико дорого! – теперь она говорила с привычной суровостью, такой родной и надоедливой одновременно. – Жди, можешь понадобится в любое время!

– Да уж... подожду, – пробормотала Света, отвернувшись к окну.

Апартаменты блока «New Comer» № 49 – однокомнатная квартира с белыми мягкими чистящимися коврами. Большой телевизор, бледно-коричневый диван со светлыми разводами, кресла, обтянутые дерматином, шкаф с несколькими книгами и тумбочка, на которой лежал телефонный справочник. На кухне – два холодильника. Один – для продуктов, второй, поменьше – для жидкостей.

– For liquids! – звонко и радостно прочитала Света. – Для жидкостей!

– Yea, – слегка удивлённо кивнул работник. Он казался инопланетянином, которого отправили на землю с очаровательной миссией. Так необычно угодливо и добро Джой смотрел и спешно жестикулировал, когда объяснял. А лицо его изменялось со странной выразительностью, будто с трудом. Слушая сбивчивую речь новой квартирантки, он подставлял то левое, то правое ухо, и каждый раз сосредоточено было круглое лицо парня.

В квартире царил приятный сладковатый запах новой мебели. Как будет здорово, если Света не привыкнет к нему и станет вдыхать его всегда.

– Phone? – спросила Света возбуждённо.

– Isn't connected, – покачал головой он, сделавшись грустным. – But soon we are... – наконец улыбнулся, сверкнув жемчужно-белыми зубами.

– Так скоро, значит, подсоединят телефон, – повторила Света задумчиво.

– Pardon... – откланялся он смешно и неуклюже. – Hurry up...

Света, получив ключ и пластиковую карточку от спортзала, осталась одна. С превеликим интересом исследовав американское жильё, оказалась довольна. Невероятно нравились большущая однокомнатная квартира и два холодильника. Босым ногам приятен ковёр, а взгляду – предметы. Убрав рюкзак с документами в шкаф, она прыгнула на диван и начала скакать, махая руками. Столько животной радости просилось наружу! Светка пела, выкрикивая английские слова, танцевала, выделявая разные движения. Не беда, что Амина уехала и неизвестно когда вернётся, – Света перекантуется без неё. Девушка она взрослая, и сама найдёт развлечения. Привезённые четыреста семьдесят три доллара – крупные деньги. Первое время прокормится и отдохнёт на них, а дальше – заработает. Трудится Света старательно, уж здесь-то оценят её рвение!

– Я в дэнс-клубе! Никто мне не нужен... – она осеклась, исчез вдруг эмоциональный прилив. Свалившись, она лежала, глядя в потолок, мечтая о том, сколько заработает и куда поедет путешествовать. Вспомнила, что не сообщила матери, хотя обещала позвонить по приезду. – СМС напишу.

И забыла.

Вечером стало тоскливо. По телевизору говорили только по-английски и непонятно. Музыкальные клипы наскучили, от них уже звенело в ушах. Какое-то отупение одолело Свету, показалось, что в такой ужасной скуке пройдёт время в США. Взяв сто долларов, она вышла.

– Хай!

– Эй, вэсап! – послышалось возбуждённо.

Три латиноамериканца в модных камуфлированных куртках и чёрных шапках стояли возле тёмно-зелёного джипа. Раздавалась из него негромкая музыка. Они говорили с ласковой развязностью, хмурясь и улыбаясь. Света подошла к ним, сразу познакомилась. Джаз, Чарли, Бэйлил. Парни жили неподалёку, приехали в гости к другу. На выходных намечалась вечеринка у одного «крутого перца». У него много тачек и собственный особняк. Чарли говорил понятней и чётче друзей, шальных и как будто чересчур

взволнованных знакомством. Ровней лилась его речь, он старался не только говорить медленней, но и выглядеть спокойней и проще. Никакой «распальцовки» и лишних жестов, а вот его приятели... затыкали один другого и кривлялись, точно обезьяны в зоопарке.

Сумерки сгустились, стала намного тише играть музыка в машине, появились растянутые и тонкие облака пара в полупрозрачном похолодевшем воздухе, сквозь них виднелись редкие крохотные звёзды. Устав расплыться и гоготать, парни бросали теперь редкие слова и зевали. Сверкали их невероятно белые зубы и влажные глаза.

– Ok! We gonna go, – объявил Бэйлил, заведя машину.

– Do you have phone number? – спросил Чарли заинтересованно. – Can I call?

– Онли зис, – Света открыла свой мобильный телефон. – Ай вил бай ёз... сун...

– All right. On Thursday evening at 9 pm.

Света снова осталась одна. Жажда странствий исчезла, и теперь не хотелось далеко ходить. Она дошла до ближайшего магазина и набрала продуктов, не забыв и про подсолнечное масло. Так непривычно и здорово было разменять стодолларовую купюру, шуршать в руках множеством мелких – затёртых, шершавых, старых и новых, гладких. Ей насыпали целую горсть монет-центов, чистых, точно отполированных, и красивых.

– Грейт! – повторяла Света тихо, с любопытством глядя на двухэтажные, обшитые сайдингом и словно пустые дома. На улице – никого, только нежный хруст снега под её ботинками. Откуда ни возьмись появилась полицейская машина. Пухлый усатый человек в синей форме с крупным серебристым значком на груди вышел с маленьким фонариком, вежливо попросил документы.

– Оу, – растерялась Света. Она не взяла сумку. Вспомнив подходящие фразы, собранно ответила:

– Ай хэв но докьюментс вис ми... бут кам то май хоум.

Выяснив её местожительство в блоке, полицейские отстали.

В апартаментах Света быстро приготовила себе неплохой ужин. Пировала жареной сосиской и варёной картошкой. За двадцать три доллара она набрала себе еды на неделю.

Ночью она не могла уснуть. Переполненная чувствами, впечатлениями, крутилась на постели. Приходили яркие образы: она работала в «Мак Дональдс» официанткой в бело-зелёном фартуке, в специальной униформе с бейджиком, проворно разносила подносы с гамбургерами и кока-колой, практиковала английский с американцами – любителями фастфуда. Затем на джипе они спешили на вечеринку с крутыми парнями. Чарли ухаживал за ней, мило улыбаясь, выполнял капризы... приносил пиво или сок... Она почувствовала вожделение к этому молодому и стройному человеку. К его мускулистым рукам и выбритому мощному подбородку. Девушка возбуждённо замирала от незримого присутствия и чёрного симпатичного парня Чарли, и дерзкого лика Амины – такой большой и сильной надзирательницы над живыми существами, подавляющей всех и вся. Она лукаво смеялась, кружилась вокруг слабой девочки Светки-школьницы, очаровывала невидимыми флюидами и сжимала в руках тёмную и толстую ручку от... стало трудно разглядеть – часть Амины словно терялась в тумане, пронизанном серебристо-алым светом звёзд. Вдруг Света ощутила себя связанной сухой резиновой верёвкой и брошенной в угол, обнажённой, выставленной, точно напоказ, на какой-то общий позор. Но волнения Света не испытывала, потому что виденное происходило во сне...

Утро выдалось холодное. Накрывшись до подбородка простынёй, она не могла согреться, съёжилась, как младенец, и замерла. В Сибири привыкла летом и зимой лежать под тёплым пуховым одеялом, а здесь нашли, чем накрыть!.. Надо сегодня же разобраться с одеялом.

«Нет, не согреться», – подумала Света обиженно.

Она угрюмо поднялась и быстро пошла в душ. Ванна, наполненная горячей водой, согревала великолепно. Света сладко прикорнула, откинув голову.

На улице по-прежнему пусто – ни машин возле домов, ни людей: американцы работали с утра до вечера и зарабатывали кучи долларов. Одна Света лишь могла блуждать вдоль домов и по магазинам. Стоял запах свежести холодного огурца и слышались с главной дороги многочисленные сигналы. Тоска и жуть в огромном мегаполисе. Нет, надо скорее работать. Где эта проклятая гулящая Аминка?

– Я тебя ненавижу! – процедила Света, ударив кулаком прохладный свежий воздух.

– Неу, уо! – позвал работник офиса. Знакомый парень нёс небольшой чемоданчик.

– А-а, – вспомнила Света. – Наладчик телефона.

Немного полегчало, когда по телефонной карте Света позвонила домой. Мама только что пришла с работы.

– У вас ночь, что ли? – восторженно спросила Света. – У нас день! Значит, разница в десять часов.

После разговора с усталой мамой ещё больше захотелось пойти на работу. Света сердилась, проклиная отсутствующую Амину. Она тотчас взяла телефон и набрала её номер. В ответ послышался равнодушный голос:

– Аппарат абонента выключен...

– Неужели самой пойти по конторам и говорить с ними? – бросила Света отчаянно в белое пространство комнаты. Нет, уровень её английского «ливз мач ту би дизаед» – «оставлял желать лучшего». Амина отвечала любому иностранцу мгновенно, не сомневаясь, не вслушиваясь напряжённо. Она устроится на любую работу запросто. Если, конечно, она тут снова не какой-нибудь начальник. Надо ей отомстить! Она поймёт, что Света не игрушка, а хозяйка сама себе. Не будет Света грустить и «нагружаться» по пустякам. Развлечётся где-нибудь, а там и пойдёт устраиваться на работу. И не важно,

на каком ломаном языке станет изъясняться у этих напыщенных работодателей. Она стройная и привлекательная, к тому же ослепительно улыбается. А «уровень»... да это глупо звучащее слово вообще выкинет из головы. Так, небось, половина Америки разговаривает – абы как, сюда ведь съехалась куча малообразованного народа. Мексиканцы, колумбийцы, китайцы, цыгане. Из Азии приезжают «дикари», из Южной Америки – аборигены-«папуасы», из Индии – «обезьяны» и, как там проходили в школе, – «неприкасаемые». И что, они лучше говорят? Вряд ли. Глощают звуки, смягчают согласные до неузнаваемости, несут невесть что, смешивая несколько языков. Об этом Света читала накануне отъезда, поэтому не одна она такая запущенная...

Взяв семьдесят долларов и сумку с документами, Света вышла. Она долго шла по пустой улице блока «New Comer». Наконец выбралась на тротуар главной дороги. Там сидел на деревянном ящике человек в одежде, похожей на сшитые мешки. Он продавал часы на цепочке и какие-то мелочи. Высыпав ему в банку несколько монет по двадцать пять центов, Света увидела автобус, который уже закрыл двери и набирал скорость.

– Стой! – закричала она, рванув.

Зашипев тормозами, автобус остановился. Открылась передняя дверь, и, входя, Света увидела Чарли. Он снял кепку и широко улыбнулся, сверкнули его ослепительные зубы. Теперь, при дневном свете она разглядела этого темнокожего парня. Кожа его щёк была неровной, словно он переболел оспой, и покрытой мелкой щетиной. Высокий и широкий лоб. Худое подвижное лицо плавно сужалось к подбородку. Ясные, чуть влажные голубые глаза смотрели оживлённо, умно и кротко.

– Хай, Чарли, – только и сказала Света, расплывшись в улыбке. Но вдруг спохватилась, решив, что выглядит глупо.

Он кивнул сдержанно, точно кто-то наложил на него эмоциональный запрет. Указав головой в салон, посерьёзnel.

Света вышла на Тайм-Сквер, на широченной улице, буквально залепленной стеклянными стендами – рекламой. Здесь она узнала, сколько стоит экскурсия к статуе Свободы, на «Манхаттану» – в один из лучших районов Нью-Йорка – Манхеттен. Дороговато... семидесяти долларов хватит впритык. Испуганно влившись в поток людей, она шла зачарованная, рассматривая пёстрых американцев. Чудилось, что они жили высокой празднично-изнурительной жизнью. Со смутной завистью она думала, что эти высокомерные и цветные американцы привыкли к особым и недостижимым благам. Высшее общество принимало их легко и плавно, в свете разгоревшегося дня они двигались, ведомые силами своих лучших желаний.

– Интересно, есть ли среди них такие же средоточия глупости и серости, как я? – обиженно подумала Света. Она испытывала мучительное сознание своего одиночества и затерянности среди равнодушных американцев.

Подкрепляясь то в «Мак Дональдс», то в дешёвом ресторане вьетнамской кухни, она гуляла целый день. На улице не было холодно. Зима удивительно тёплая в Нью-Йорке, но почему-то Света замёрзла. Обпилась, наверное, холодной кока-колы, оттого и согреться не может. Усталые ноги и дрожь привели её в тёплое местечко, куда заходили редкие мужчины и женщины. «Old Bailey 70». Внутри небольшого уютного помещения царил лёгкий полумрак. Душисто пахло цветами – на стенах горели несколько свечей-сундучков с ароматическим маслом. За барной стойкой, освещённой мягкими сине-зелёными огоньками, находился немолодой, но приятный мужчина с длинными курчавыми усами. Его светлый взгляд был внимательным и радушным. Овальное лицо, покрытое мелкими морщинами, растянулось в улыбке и так же скоро приняло неопределённое выражение. Откашлявшись, казалось, без надобности, он рассеянно протирал кружки салфеткой. В баре находилось немного народу. Они сидели по одному, каждый за своим квадратным столиком: кто задумчиво курил, сложив руки на скатёрку, кто потягивал из большого или из маленького стакана бледно-жёлтую жидкость – пиво или виски. Слышался шелест обёрток – посетители

раскрывали орешки и разную неизвестную закуску, но вот он прекратился в один миг, и теперь они боялись нарушить воцарившуюся тишину. В помещении стоял сероватый табачный дым. Он колыхался в воздухе, делаясь разноцветным в свете огоньков. В зеркале при стойке Света увидела своё лицо. В этом сумраке оно показалось жалким, осунувшимся. Захотелось забиться в уголок и никого не видеть. Послышался ворчливый голос, зашёл кто-то недовольный и нетрезвый. Стукнул по аппарату, разукрашенному на манер звёздного неба, закинул внутрь монетку. Заиграла весёлая ритмичная музыка в стиле ретро. Запел Фрэнк Синатра своим золотым голосом. Никто не оборачивался, когда немолодой человек в шляпе и твидовом пиджаке начал пританцовывать, подпевая. Царило лёгкое пьяное и продымлённое безразличие. Света одиноко сидела за барной стойкой. Поданное галантным барменом меню поразило дешевизной. Пиво, виски, водка, ликёр, различные коктейли – всего один доллар, а барбекю, салаты и прочая закуска – полтора.

– Are you adult? – вдруг недоверчиво спросил бармен. – Show me your ID?

– Йес, плиз, – подав паспорт, Света ожидала дешёвую выпивку и закуску.

– Sorry... my bad! – виновато ответил бармен, вернув документ.

Голос Фрэнка замолк, аппарат потух, в наступившей тишине донёлся женский истеричный смех, в котором звучал возбуждённый зов. Кто-то звонил по телефону, потом вышел. Бармен, не дождавшись заказа, подал стакан, на дне которого поблёскивало янтарём содержимое.

– This from one marvelous lady...

Свете оказалось всё равно от кого. Она выпила залпом и скривилась. Терпкий травяной вкус и высокое содержание спирта словно прожгли горло. Прилил жар.

Рядом со Светой присела смуглая женщина с подведёнными большими и тёмными глазами. Её густые смоляные волосы, свисающие на широкий лоб,

мерцали десятками серебристых растаявших снежинок. Отдаваясь приятному теплу, Света равнодушно посмотрела в окно. И вправду: на улице шёл снег.

– I'm Sherry, – она улыбнулась нежно и свободно. Довольная собой величая леди ожидала чего-то удивительного, не сводя со Светы внимательного и ласкового взгляда.

– Ай эм... – вдруг Света задумалась, разглядывая малиновый сарафан собеседницы и золотые украшения на её красивого изгиба шее и тонких запястьях. Лет ей тридцать пять, а может, сорок. Она могла быть как небогатой искусительницей юных сердец, так и состоятельной любительницей молоденьких девушек. От этих мыслей Свету передёрнуло.

– Oh, my dear little girl! – на лице Шерри появилось выражение невероятного сострадания. Словно вместо Светы она увидела худую, слабую и голодную собачонку. Шерри посмотрела на девушку так, будто извела горе, выпавшее на долю этой бедняжке, и, одолев своё страдание, вернулась к спокойствию и пониманию.

От прикосновения этой леди у Светы конвульсивно содрогнулась спина. Она возвратилась к непрестанному волнению, к ощущению сладкого томления.

– Two whisky, please, – попросила Шерри, и её глаза, когда они снова обратились на девушку, приняли умоляющее детское выражение.

Облик этой щедрой женщины хранил мирную успокаивающую душу и простоту. Затем она, волнуясь, заговорила. Света не понимала, слушала, нравился нежный и шепчущий тон голоса. Шерри спрашивала, и смысл был смутно понятен, но Света удовлетворённо кивала, позволяя Шерри гладить её, жалеть. Бармен снова подавал виски: казалось, сам, без просьбы. Зазвонил телефон, и знакомый голос кратко спросил:

– Ты где?

– Где-то недалеко... – ответила Света механически. – Ретро-бар... там что-то семьдесят, – язык еле ворочался, она бубнила. Бармен чётко назвал адрес заведения. Света повторила его в трубку телефона как смогла.

Несмотря на отяжелевшие ноги, тянуло в пляс. По телу блуждало горячее желание показать себя, повеселить новую подругу. Заиграла небыстрая музыка. Света танцевала, неуклюже переставляя ноги, глупо хохоча и хлопая в ладоши. Никакого стеснения и стыда: девушке казалось, что она одна в баре, а Шерри, положив ногу на ногу, наблюдает издали.

– So... so! – этот крепкий голос будто прорезал мозг, вернув на мгновение здравый рассудок. Света ясно увидела Амину, такую напряжённую и прекрасную. Осиянная мокрым и колким серебром, она виновато и почти комедийно глядела на окружающих. Разведя руками, встревоженно объяснилась. Затем, взяв за руку Свету, медленно повела к выходу. Застыл бармен, Шерри истерично бросила:

– My money...

Достав десятидолларовую купюру, Амина оставила её на столике.

Они ехали в машине. Амина говорила рассерженно, ругала и толкала Свету в плечо. Сквозь муть и слабость та едва понимала, что имела в виду подруга.

– Тебя искал работодатель! – объявила Амина серьёзно и зло. – А ты... блудница паршивая... Будешь наказана!

– Нет, прошу... – Свете казалось, что мольбой сможет заслужить прощение.

Света не помнила, как очутилась в апартаментах. Но Амина осталась тогда с ней и словно превратилась в зверя. Наутро болела голова и тошнило. По команде Амины она привела себя в порядок и готовилась отправиться на работу. В зале стоял новый сине-красный велосипед с серебристыми наклейками на раме, руле и седле.

– Не смей бродить и знакомиться с кем попало, – пригрозила подруга. – Это бар для старых одиночек, которым всё равно... понимаешь?

Вздохнув, Амина улыбнулась легко, как актриса на сцене театра, когда представление закончилось.

Они жили несколько лет на Ровен-стрит в Канзасе, в трёхэтажном доме, перешедшем к Чарли по наследству от деда. Парень не менял профессию, оставаясь водителем автобуса компании «Busy Trans». Он даже обрадовался, когда услышал о том, что рядом будет жить мама любимой. Светлана Гренсон уже и сама стала мамой. Ребёнок ходил в подготовительную группу и глазами был похож на отца.

Друзья Чарли затевали вечеринку, и парень приобрёл два билета на самолёт в Нью-Йорк. Маленького Бенни они оставят на маму Чарли, поэтому смогут спокойно провести время в шумной компании.

Накануне вылета Чарли сделал Свете подарок: фирменный кошелёк от «Dolce and Gабана». Открыв его, Света нахмурилась: в нём не было места для старой фотографии, которую она попыталась переложить. Места для Амины.

– Well, of course, she is!.. – удручённо произнёс Чарли, обняв жену. – You are sad, when look at photo.

Теперь Света прекрасно понимала не только его речь, но даже тот исковерканный язык-суррогат, на котором говорили жители Канзаса. Она отмахнулась, убрав фотографию в тумбочку. С грустью, словно вспоминая о чём-то далёком и смутном, пробормотала:

– No matter...

Ещё она почти не отвечала мужу, если тот спрашивал про татуировку.

Но на такие мелочи Чарли не обращал внимания. Он заботился о семье.

Работа в «Мак Дональдс» не показалась трудной. Позабавила технология приготовления картофеля и гамбургеров. Тяп-ляп – и гамбургер готов. Пш-пшшш в огромной жаровне с маслом – и картошка золотистая, ароматная и вкусная. Сначала Света опаздывала, менеджер, молодой парень, мексиканец, в светлой одежде с бейджиком сперва подгонял её как бы шутя. Иногда

ворчал на своём испанском, качал головой и что-то с ехидством и укором спрашивал у работниц тоже из Мексики. Русские здесь прежде не работали, из славян – только сербы. Они понимали с трудом, что говорила Света по-русски, но приятно было, что в их языке она то и дело слышала знакомые слова. Сербы выполняли работу, как роботы: машинально подносили, убирали, протирали, чистили, полоскали, готовили и ни разу не стояли на кассе. На вопросы посетителей, порой донельзя разъяёвщихся американцев, отвечали кивком или бормотанием:

– Йерр...

Пришёл Чарли, он ждал, пока его обслужит Светлана. Сидел смирно и слегка улыбался. Этот парень был единственным, кто называл её так ласково и просто: «Светлана». Ему ответили, что она работница кухни, и не должна обслуживать посетителей. Но американцы – народ привередливый, пока своего не получают, не успокоятся. Так и он дождался: недовольный менеджер выпустил Свету ненадолго. Чарли успел её узнать – они не раз прогуливались по ночному Нью-Йорку, когда Амина, как всегда, терялась на несколько дней. Он принёс целую кучу коробков со спичками и специальный клей. Внимание и доброта латиноамериканца растопили сердце девушки. На минуту вспомнила, что она не инструмент готовки бургеров, картошки да нагетсев, а девушка с чувствами.

– Ва-у-у, – протянула Света восторженно. Хотелось обнять Чарли, поцеловать, но помешал пристальный жгучий взгляд менеджера.

Менеджер по имени «мистер Карлос» обращался к Свете «мисс Пономарёва», другие работники – мексиканцы и сербы – чудилось, что вообще боялись произносить русские имя или фамилию. Один только высокий поджарый серб говорил:

– СВЭТ, СВЭТ...

Оказалось, что в сербском языке не было звука «е», только «э». Говорил он смешно и вызывал смех. Потом всё же обиделся на неадекватную реакцию и обращался к Свете «мисс».

Рабочий день заканчивался, Света ожидала звонка Чарли. Теперь девушка всегда чего-то ожидала. За несколько встреч она поняла, что этот чёрный парень равнодушен к ней. Причём он вёл себя скромно, в отличие от его друзей: глупо не похихатывал, не бросал на Свету откровенных и маслянистых взглядов, не щурился ехидно. Света доверяла Чарли. На работе и на улице она встречала многих молодых ребят, пытающихся ухаживать, но наглости им было не занимать. Настолько быстро и неискренно каждый из них был готов пригласить её куда-то, что Света уже чувствовала себя использованной. Конечно, можно вкушать плоды радости и «выгодно работать» с любым из них, как порой провокационно выражалась Амина, но так обходиться Свете не позволяло воспитание. Она не принимала ничего в отношениях между парнем и девушкой, что шло не от сердца.

Вечером она проводила время с Чарли, прогуливаясь по огромному городу. Вдвоём с Чарли этот город казался не таким пустынным и холодным. И вода в парке в стороне заката становилась мягкой, нежно-розовой и гладкой. И, когда дул ветер, она морщилась только слегка. Защищённая, согретая вниманием, Света по-новому смотрела на людей: не казались они столь безразличными, выглядели добрее.

Едва исчезали, точно вспугнутые закатом, остатки дня, уступая место сумраку, Чарли провожал девушку домой. Света долго не решалась пригласить его к себе, чтобы продемонстрировать поделки. Она привыкла, что окружающие равнодушно относились к её увлечению. Тем неожиданнее была для неё реакция Чарли. Увидев на столе «экспозицию» Светланы, он вспыхнул детским неподдельным восторгом: необыкновенные корабли, дома и животные, сделанные из синих, красных и зелёных спичек. Однако бурю его негодования вызвала Светланина надежда на то что Амина обещала помочь реализовать эти поделки через магазин. Как можно избавляться от такой красоты? И что это за подруга, которая не понимает, что подобные вещи нужно хранить только дома? Какая подруга? Чарли никогда не видел её. Света сначала сбивчиво, а потом всё более подробно рассказала о своей

жизни, о любимой подруге. Ни радость, ни печаль не читались на её милом лице, но оно туманилось, на нём лежала печать странного чувства, не передаваемого словами. Тёмная и глухая, отчаянная привязанность.

Чарли ненадолго уехал проведать деда в Канзас. Старику нездоровилось. Несколько дней парень не присылал сообщений, не звонил. И телефон у него был выключен.

Сегодня выходной день. Суббота. На улице близ домов находилось много людей. Американцы по-хорошему зациклены на семейном отдыхе. Сначала их привязанность к семье удивляла и поражала девушку, потом раздражала. Обычно вызывало гнев то, чего ей самой не хватало. Действительно: уход из семьи отца, появление равнодушного отчима, больная, вечно замотанная работой мать – о каком семейном счастье можно тут говорить? Со временем Света стала привыкать к шумным семейным компаниям отдыхающих у дома людей. Одни делали барбекю, другие – веселились на картинге, заводя игрушечные машины на дистанционном управлении. Запускали тархтящие пропеллерами самолёты, устраивая воздушные бои, таран. Причём взрослые радовались едва ли не больше, чем дети. Интересно было смотреть, как толстенный дядька носился за воздушной моделью с громким восторгом, в неподдельном счастье от полёта игрушки. Мальчишка в оранжевой кепке с эмблемой какой-то бейсбольной команды разносил приглашения на завтрашний матч. Те, кому достался купон, проходили бесплатно.

Амина заехала после обеда. Выглядела взбудораженно и напряжённо, поэтому Света даже не решилась сказать про полученные два купона. Младшая подруга ощущала нечто гнетущее, нависшее над ней. Когда Амина приезжала в таком настроении, случались скандалы. В зале-выставке поделок она, вместо одобрения очередной игрушки – искусно изготовленной копии одной из башен московского Кремля, презрительно щёлкнула красиво отточенным ногтем по самой макушке башни, сухо сказала:

– Ты не слушаешь меня, два раза я звонила, а ты, похоже, с кем-то проводила время.

– Что я перед тобой, отчитываться должна? – возмутилась Света. Голос её прозвучал уверенно и сердито, как никогда. Но сердце забилося тревожно и гулко в предчувствии...

– Ага, – подруга кивнула, вдруг сделавшись строгой и равнодушно-деревянной.

Амина зашла на кухню. Что-то разбилось там вдребезги с треском и звоном. Света замерла, её сердце глубоко упало, билось сильными, болезненными толчками. Тело начало трясти подчиняющей дрожью. Настало внезапное тёмное забвение, девушка ощутила себя слабой, незащищённой. Будто её ужалил скорпион, и противоядие она могла получить лишь подчинившись.

– Ты обещала, что... – начала Света стыдливо и глухо.

– Да, – кратко и чуждо ответила Амина. Она толкнула Свету на диван и некоторое время удовлетворённо наблюдала за ней, торжествуя в своём властном безрассудстве. – Посмотри, – приспустив штаны, показала маленькую татуировку на животе. Чуть ниже пупа. Раскрытая серебристо-белая роза была красиво впаяна в её тёмную и нежную кожу. Рисунок переливался то молочным, то серебряным. Кожа по краям розы облазила. Шелушилась, словно шкурка семечек. – Переоденься, мы едем! – скомандовала Амина.

Досадую на свою уступчивость, Света испытывала нудное брезгливое чувство неловкости униженного человека.

Подруги отправились в салон тату. Украшением тела занимался худой кореец. Он курил и не сразу отозвался, когда вошли Амина и Света. Его тело было разрисовано разноцветными татуировками. Малиново-зелёными и золотисто-оранжевыми драконами, другими тёмно-синими мифическими созданиями, парами иероглифов.

– Ой... гээ! – откинув стеклянную трубку на диван, на котором от неожиданности проснулся белый кот, он быстро выпрямился. Его тонкие руки взвились, зашевелились ноги, точно чужие, – он походил на зачумлённого человекообразного, коего вмиг охватило желание непрестанно двигаться. Мау, так звали татуировщика, считался одним из лучших в своём деле. К нему обращались звёзды шоу-бизнеса, американской эстрады, актёры, бизнесмены, мафиози. Он показал фотографии Микки Рурка, точнее, части его тела с татуировками Мау. Кореец приготовил актёра к съёмкам фильма «Неудержимые».

Мау наносил рисунки под кожу быстро и великолепно. За несколько часов под его пальцами рождались шедевры: не просто красивые рисунки, а живые, приносящие удачу своим хозяевам, делающие их обладателями сверхъестественного – многоликой души кудесника-татуировщика.

Вся комната с бамбуковыми стенами была обвешана эскизами древних и современных татуировок. Рисунков, иероглифов и разных символов. Открыв деревянный сундук с принадлежностями для татуажа, он даже рассердился, когда узнал, что второй девушке тоже нужна только роза.

– Зачем? – спросила Света. – Мне не нравятся татуировки. Их тюремщикам делают!

Сейчас закабалят, превратят маленькую девочку Светку в меченную чёрной розой рабыню. И станет она после этого собственностью, игрушкой праздной, надменной и вечно исчезающей надолго подруги. Таилось в этом необъяснимом действе ужасное и прекрасное одновременно.

– Живей!.. скорей!.. – Амине доставляло удовольствие подгонять подругу. Она стащила с неё кофту, расстегнула рубашку, и, если бы не кореец, то прямо бы здесь начала прелюдию...

– Может, не надо, Аминочка? – жалобно упрашивала Света, капризно сложив губы.

Амина оставалась непреклонной, как жёсткая госпожа. Снова ею руководила страшная сила. Чутко, безошибочно улавливая настроение

подруги, Света лежала покорно, не принадлежа себе. Она вдруг представила, сколько людей ложилось на эту старую лакированную кушетку, сплетённую из тростника. Сколько разных мужчин и женщин касались её своими потными спинами. Брезгливо сморщившись, она закрыла глаза. И тотчас почувствовала тёплую руку Амины, которая гладила её руки и лоб, успокаивая, будто заклиная, заговаривая, как умели жрецы, чародейки да ведьмы. Кореец одновременно вслушивался в монотонный голос Амины и резко покалывал живот Светы. Его правая жилистая рука, изрисованная лиловыми, красными и синими змеями, точно превратилась в автоматическую иглолку. Слегка открыв рот, он обнажил неровный ряд мелких желтоватых зубов. Кое-где зловеще сияли червонным золотом коронки. Он колол остервенело, будто подыгрывая Амине. В раскосых глазах Мау мелькали огни – он быстро моргал, смаргивая капли пота с длинных ресниц. Горячие и неприятные, они падали на живот Светы. Кореец смахивал их платочком, напевал.

– Больно, Аминочка! – прошептала Света, скривившись. Обмякшая, беспомощная, она выжидала, жалко глядя снизу вверх. – Он демон!

– Demon... – повторил Мау, злобно улыбнувшись. – Yes, I am!

– Не дёргайся, иначе испортишь тату, – предупредила Амина, с животным интересом наблюдая за подругой. – Татуировка изменит твою жизнь.

Света не хотела ничего менять, её устраивали отношения с Чарли. Амина, как всегда, стремилась укрепить собственное могущество над подругой, подтверждением чего и должна была стать татуировка.

И с первого раза казалось, что татуировка уже навсегда осталась на теле. Но Мау должен был повторить её, как минимум, ещё раз.

На животе зудело, горело, словно сумасшедший демон время от времени припекал горячей монетой.

– Нельзя трогать! – бросила Амина и свободной рукой шлёпнула по пальцам подруги.

– Ай-яй! – воскликнула Света. – Больно!

Они приехали в ресторан экзотических коктейлей, но Света не выходила из машины. Искала предлог остаться.

– Морозит меня, Аминка.

С лукавым смехом подруга выпихнула её.

Ресторан поразил своим вольным и шикарным размахом. Играла дерзкая музыка. В полумраке, заполненном табачным дымом, вокруг столиков и вип-диванов ходили, покачивая крепкими бёдрами, полуобнажённые девушки с маленькими заячьими ушами и хвостами. С подносами да бутылками они раболепно наклонялись к сидящим за столиками. Одни, нетрезвые и глупые, жадно и маслянисто глазели на их формы, что-то шепча. Другие посетители вытаскивали деньги и засовывали девушкам в плавки. С некоторыми эти дамы отлучались. Ресторан был поделён на три части: где сидели и пили, где танцевали и где развлекались за тёмными занавесами. За всем непрерывно следили здоровенные охранники с каменными лицами. Они шагали вдоль столов и грозным видом напоминали правила поведения: заплати, и получишь что угодно.

Мест за столами не было в этот час. Приходили богатые и одинокие, мужчины и женщины. Сколько их собралось? Одни сидели компаниями, дымили, хохотали, кидая пламенные взгляды на девушек. Вторые, оставляя столики, уходили дёргаться на танцплощадку, третьи, помоложе, копили мужество, считая доллары, крутя головами, на что-то решались. Причём мужчины и женщины вели себя одинаково, будто возбуждённые инопланетяне, выискивающие удовлетворения. Казалось, еда, питьё и сигареты будоражили их, растравливая инстинкты. И, в поисках блаженной разрядки, они метались туда-сюда, шумели, перекрикивая музыку, чокались бутылками и стаканами, пьяно, бессмысленно улыбались, обнимались, целовались.

На диванах ещё осталось место.

– Будешь должна... вип-девочка! – закричала на ухо Амина и потащила подругу.

Они перепробовали множество коктейлей. С черешней и с кусочками неизвестных фруктов. Пила Света разноцветную бодрящую жидкость осторожно. Каждый раз глядела по сторонам, проверяя, насколько она опьянела. Но алкоголь, словно не действовал: не расплывались огни и люди производили привычные движения.

– Они слабенькие... – предупредила Амина, улыбаясь ехидно. Она зажала губами вишню и сверкала своей восхитительной улыбкой.

– Ты такая красивая, Аминка! – засмеялась Света. Настроение было отличным. Рядом крутилась то одна девушка-разносчица – блондинка, украшенная лиловыми блёстками на волосах и теле, то другая – тёмная с красивой эллипсоидной грудью, на проколотых сосках которой золотились кольца. С ними Света болтала, её английский будто улучшился. Она не задумывалась, о чём говорила. Речь лилась быстро и правильно.

– Хочешь ощутить себя богиней? – предложила Амина с пьяным умилением, блеснув глазами.

Света закивала. С бесстыдной искущённостью Амина засунула в трусы девушке двадцать долларов и приказала:

– Шлёпни её посильней!

Сначала Света испугалась, ощутив виноватую стыдливость. Но потом с обидой вспомнила, как подруга обращалась с ней. Слегка размахнувшись, шлёпнула полуобнажённую куклу по упругой ягодице. Разносчица вздрогнула, сохраняя натянутую улыбку, и это показалось славным Свете, возбудило.

– Хочешь ещё?

– Да, – ей овладели детская спесь и властолюбие. Света почувствовала у себя на губах удовлетворённую улыбку. Симпатичная разносчица с потрясающей фигурой была готова сносить любые унижения за деньги. Она дерзко выпятила свой зад в бледно-алом бикини.

Приготовив ещё двадцать долларов, Амина подложила ладонь под щеку и внимательно наблюдала.

Вскоре Света отяжелела, превратившись в безвольное существо, наполненное стыдливой благодарностью. Алкоголь вызывал множество желаний, теперь Света смотрела на людей с тупой весёлостью, как на роботов, которые могли удовлетворить вспыхивающие потребности. Амина, охваченная мрачной шутливостью пьяного безумия, шептала на ухо:

– Покажи, как танцуешь, покажи!

Она повела Свету на танцплощадку, и там подруги двигались вместе хаотично и вызывающе, отдаваясь ритмичной музыке. Хотелось слиться в один неустанно движущийся и страстный комок. Бессмысленно двигаясь, повторяя паучьи движения за великолепной Аминой, Света думала, что приближается к чему-то светлому и радостному, расслабляющему. Потом её вдруг накрыло тёмной и равнодушной волной. Показалось, что события развёртывались в странной непоследовательности, без перерыва и всякой связи. Будто картины в кинотеатре жизни, мутном и пропахшем табаком, фруктовым соком и кислым потом, точно кадры с нелепыми людьми, походившими на китайских болванчиков.

Света обнажилась по пояс и стала походить на разносчицу, но худую, бледную и гадкую. Охранник, заметив, пошёл быстрыми шагами к ней. Сверкали в полумраке его серебристые пряжки на ботинках.

– Что сделала, Аминка? – испуганно обронила Света, прикрыв маленькую грудь руками. Глядя на неё, разносчицы беззвучно хохотали.

– Ты сама просила... – с хмурой улыбкой ответила Амина. – Заберите девку, изнасилуйте! – похихикивая, обратилась она уже к здоровенному чернокожему охраннику.

– Что? – Света вдруг поняла, что охранник не знал русский и подруга пошутила.

– Растворила кое-что в стакане, – призналась Амина. – Оттягивайся!

С ощущением холодных мурашек Света вырвала из рук подруги свою рубашку и кофту. Но перед глазами плыло, притихла музыка, и никаким усилием воли не возвращался привычный мир шумного заведения.

Света находилась в комнате, где по-прежнему поднимались к потолку серые облака дыма, выпускаемые из коричневых сигар. Она сидела на стуле рядом с человеком в расстёгнутой кожаной куртке. Виднелась его голая волосатая грудь. Он говорил быстро и непонятно, как негр, водил пальцем по воздуху, тыкал в трёх человек напротив. По интонациям было ясно, что он ужасно недоволен. На металлическом столе стояли две бутылки с тёмной жидкостью. Из одной, прямо из горла, пил чернокожий карлик в белой кепке, усыпанной медными кольцами на козырьке. Поймав Светин взгляд, улыбнулся. Все зубы у него были золотые. Находившиеся в комнате заговорили разом и громко, поднялись с мест, снова выпустили столько клубов дыма, что резало в глазах, и смотреть было невозможно, даже прищурившись. Кто-то закашлял, кто-то звонко стукнул по столу печаткой на пальце – их лица снова расплывались.

– What about?.. – Амина появилась неожиданно. Её решительный голос будто вызволил из накатывающей паршивой мути. В руках она сжимала перевязанный капроновой верёвкой крохотный бумажный мешок. Всучив его Свете, подняла её за плечи и отправила по коридору. Утомлённой походкой, опустив голову, она пошла. Свершалось нечто странное, точно события и люди перенеслись в большое воображение какого-то шизофреника и там развивались.

– Когда это кончится, я устала! – крикнула Света в пустоту коридора, заплакав. В конце коридора сидел на корточках страшно чёрный негр в одних шортах и розовой кепке. Облокотившись на изрисованную баллончиками стену, сосредоточено курил. Охватив руками острые плечи, казалось, замёрз – он дрожал. Увидев Свету, что-то сказал своим жующим языком, его выкаченные и желтоватые глаза моргали быстро-быстро. Это показалась очень смешным. Вмиг настроение переменялось, и она засмеялась, отерев

слёзы. Он открыл дверь и продолжал курить. Спустившись на этаж ниже по металлической лестнице, она встретила девчонку с двумя длинными косичками. Девчонка медленно и рассеянно подошла, затем приняла бумажный пакет и тотчас исчезла за дверью. Возвращаться жуть как не хотелось, ноги Светы стали словно чужие, а в теле горело. Девушка почувствовала ужасную слабость. Половина лестницы потонула в мягко-синей мути. Ей почудилось, что она плавает в густом сером тумане, в котором, как мусор, рассыпаны остатки реальности: редкие лестницы, части обшарпанной бледно-жёлтой стены, обрывки чёрных надписей, ручки от дверей. Показалось, что если она упадёт навзничь, то не на землю, а в мягкий пух. Сквозняк, завывший где-то наверху, с неестественной силой хлопнул дверью.

– Ты где? – послышался знакомый взволнованный голос, но глухой, точно придавленный этими остатками стен. Кто-то торопливо шёл, и Света знала – за ней.

Через мгновение они с Аминой очутились в тёплой и просторной комнате. На миг Свете показалось, что они перенеслись в родной город, к подруге домой. Комната была красивой и уютной, с мебелью и стенами нежного зелёного тона. На диване, развалившись, сидела старая женщина в бледно-коричневом декольтированном сарафане. В её глазах, подведённых зелёным, играл безумный блеск какого-то ожидания. Глаза были карие со светло-зелёным ободком. Крашенные в бело-серебристый цвет волосы на голове представляли горку, сплетённую из множества косичек. С досадой она вдруг покачала головой, укоризненно прищёлкнув языком.

– Pu-unish her-r! – протянула старая женщина и внимательно воззрилась на Свету.

Света стояла на ковре раздетая. Рядом находилась и Амина. Тоже без одежды. Прямая и крепкая, точно колонна, пышущая тайной мощью. Поглядев на Свету покровительственным взглядом, Амина с демоническим задором принялась сильно шлёпать подругу по ягодицам. Старуха

вздрагивала, вскакивала, словно истязали её, глухо похохатывала, облизывала напомаженные бордовые губы.

– Хватит, хватит! – на глаза Светы навернулись слёзы. Она бессильно опустила на пол. – Что с тобой?

– Подыгрывай мне! – попросила Амина. – Карьера! Знаешь, сколько у неё связей? Сразу разойдутся твои... спички!

При слове «спички» Света успокоилась. Легла на ковёр. Сумасбродная прихоть Амины в который раз стала мучительным законом. От обиды и волнения колотилось сердце, темнело перед глазами.

– Но, – бросила старуха, лёжа на диване. – *Neu Eduard, bring...*

– Так... – задумалась Амина. – Сейчас будешь делать, что скажу. Слушай...

Фраза сухо прозвучала по-английски. Перевод Света не знала, но почувствовала омерзительный смысл, повисший в воздухе вместе с неистовым хохотом старухи. Светка вдруг вспомнила себя маленькой в гаражах вместе с цыганкой Салей. Она невольно повертела головой, словно пытаюсь найти обидчиков из детства. Но нет, обидчиков было теперь двое – старуха и... Амина. От острого стыда Света покраснела, тело покрылось испариной.

Домой Света вернулась ночью – привезла Амина. Опьянение прошло, остались горькая сухость в горле и гадкое ощущение какого-то разового употребления... Разбитая, усталая, униженная, она долго принимала душ, очищала то, что смыть оказалось невозможно. Вяло доплетясь до кровати, сверхъестественным напряжением воли вернула сознание, пыталась оправдать свои действия и недавние события. Не могла.

Утром приехала Амина. Привезла пятьсот долларов. Забрала самый большой спичечный кораблик. Сфотографировала на камеру телефона остальные поделки.

– Свет, прощаешь? – взмолилась Амина, обняв болезненную подругу.

Ни в одном глазу не читалось раскаяния. Она, как робот, пыталась снова заслужить доверие.

– Да, – равнодушно ответила Света. – Мы столько раз...

– Тсс, – Амина нежно приложила палец к её губам и поцеловала в лоб долгим дружеским поцелуем. – Не говори... На днях буду не в себе. Понимаешь, напряжение и прочее, надо верно подойти к делу, от этого зависит наше будущее. Бэлла Норри организует выставку инноваций! Приглашена и ты. В качестве участника.

– О, правда? – Света загорелась восторгом, и показались никчёмными гложащие мысли.

Опустив глаза, Амина продолжила наивно и как бы укоризненно:

– Я старалась для тебя, разве не поняла? В США много ненормальных, понимаешь? Играй по их правилам – и станешь, кем захочешь! Даже я не в состоянии сразу настроиться на их лад. Дай, что просят, получишь, что хочешь. Иначе нельзя, – с досадой покачала головой подруга.

Но Света молча слушала, растроганная своими новыми, оправдывающими подругу мыслями, и её глаза, наполнившись слезами, заблестели.

– В следующий раз надо тебе подмешивать поменьше, а то... – отстранилась Амина. – Тебя легко вывести из себя. Прости, что не предупредила. Старалась для тебя, глупышка!

Из кухни понесло горелым, но Света не торопилась. Охваченная тоскливым предчувствием близкого одиночества, наблюдала за уходившей Аминой.

Чарли по-прежнему не звонил, а его телефон был выключен. Подруга снова будто провалилась в другое измерение. Работа – дом, дом – работа. Единственной радостью оставались поделки. Спички, точно живые, сами склеивались. Света никогда заранее не придумывала идею очередной поделки. Они рождались сами. Руки автоматически подчинялись сами себе, и, о чудо, – появлялась новая вещь. Света придумала целый ритуал введения новой модели в свою экспозицию. Она мысленно представляла новинку. Выбирала для неё место. Водружала. Долго любовалась. Могла поменять

местами. Следила, чтобы ни одна из моделей не загоразживала другую. Долгими тихими вечерами садилась в огромное кресло, включала бра и любовалась игрушками. Они словно оживали по вечерам. С ними можно было поговорить, рассказать о проблемах, пожаловаться на отсутствие Амины. Поделки подбадривали девушку. Света регулярно перебирала их, стряхивая кистью несуществующую пыль, беседовала с ними. Здесь, в США, вдали от дома, хоть и зима, но чувства и желания обострены настолько, что если тебе вдруг хорошо, через минуту возвращается меланхолия, потому что рядом никого нет. Сибирь с её трудностями уступала непонятной американской пустоте и глухой простоте. Стоило Свете остаться дома вечером, как одолевала хандра, и она была готова сносить любые капризы Амины, лишь бы выйти из этого противного замкнутого круга. И на работе Свете неожиданно захотелось есть без спроса вкусную картошку «фри» и запивать сладкой кока-колой. Конечно, это разрешалось в установленное время. Но сделать запрещённое – вот чего желала Светлана.

В помещении «Мак Дональдс» остались повара, вышли к посетителям менеджер и разносчики. Недолго думая, Света зачерпнула горсть ароматной картошки, засунула в рот. Жевала медленно, смакуя. Автомат с кока-колой был без присмотра. Из него Света набрала пластмассовый стакан и выпила залпом. Полегчало, девушка будто отомстила монотонной американской жизни. Через некоторое время её вызвал менеджер в свой маленький кабинет. Он, конечно, хорошо видел проделки Светланы на мониторе камеры слежения за работниками кухни, был недоволен, грозил, как он выразился, «лишением доверия», то есть увольнением, если подобное повторится. Света как будто проснулась. Попросив прощения, заверила, что такое не повторится никогда. Просто она не позавтракала дома, а спросить не решилась: к чему тревожить менеджера по пустякам. Сбивчиво, глупо и неестественно взволнованно девушка объяснялась начальнику. Покачивая головой, тот согласился, поверил. После работы Света возвращалась домой усталая, с мелкой омерзительной дрожью ожидая чего-то неприятного.

Чтобы справиться с волнением, зашла в супермаркет, купила жирного молока и небольшой кусочек сливочного масла в яркой упаковке, на которой нарисована пятнистая корова. Поднимаясь на лифте, вспоминала, как мама поила любимую дочку кипячёным тёплым, с маслянистой пенкой молоком, приговаривая: «Уходи, невзгода, приходи, радость!»

Нагрев молока, Света попробовала. Нет вкуса. Что случилось? Неужели потеряла и вкус... Быть может, у американского молока исчезал вкус, стоило его подогреть?

Она глотнула и холодное, прямо из тетрапака. И вправду – безвкусное. Какое-то дешёвое искусственное подобие.

Света мучительно тёрла лоб и крепко сжимала виски пальцами рук. Терзаемая горькими мыслями, она решила купить вина. Только собралась выйти, как приехала Амина. Сообщила радостную весть:

– Завтра вечером выставка в столице, следует подготовиться.

Ощущая смятение подруги, Амина приласкала её, расцеловав. Сейчас она была не агрессивной, а ласковой, и говорила вкрадчиво, как с ребёнком.

– Я останусь? – спросила она тихо и как бы смущённо.

– Конечно, – после недолгого молчания ответила Света. Тронутая необычной мягкостью и мирным поведением подруги, она призналась, что сделала на работе. Рассказала капризно. По привычке Света не принимала столь добрую Амину. Повинуясь просыпающемуся горячему чувству, ждала острой перемены в подруге. Только так она могла ожить здесь, ощутить трепет повиновения.

– Завтра, Светочка, завтра, – отмахнулась Амина. – Сейчас легко-легко!..

Эта сильная и хитрая бестия превратилась в слабую и крохотную змейку.

– По пути в Вашингтон расскажу, что говорить и как себя вести.

Назавтра на пути в столицу Амина снова стала собой – жёсткой, каменной, ведомой неясной силой. Вцепившись в баранку руля, она молчала и начала сухо говорить только при подъезде к зданию, где размещалась

выставка, – к подвальному помещению нового клуба с вопиюще сиреневой надписью «Exorcist».

– Дадим гостям то, что они хотят, по сюжету!..

– Что? – отчаянно воскликнула Света. – Ты обещала!.. Хватит унижать меня, использовать игрушкой... – она заплакала, съёжившись на сидении.

– Не испортить дело! – процедила Амина сквозь стиснутые зубы. – Я тебе знаешь, что сделаю!.. Проклятые кораблики, домики... они не нужны никому. Ты заработаешь кучу денег благодаря мне, и не будешь воровать картошку!

– Ты – ДУРА! Пошла вон! – закричала Света, выскочив из машины. – Предательница! – Слезы застилали глаза, кровь пульсировала, отдаваясь в висках, в груди щемило. Встал в горле тошнотворный комок. Точно скользкий и мохнатый червяк ползал внутри тела, раздражая нутро, вызывая бурю скверных чувств.

Люди, семенившие в клуб, встретили обезумевшую девчонку маслянистыми, недовольными взглядами. Истерично повизгивая, она бросилась бежать. Неустанно звонил телефон в кармане, вибрировал. Выхватив его, выбросила на дорогу под колёса бесконечного потока автомобилей.

Остановилась Света нескоро. В голове царил пустота, хотелось упасть и проснуться лишь дома, около мамы. Некоторое время она не понимала, где находится. Тупо оглядывалась, ловя призрачный лик погони, вздрагивая, точно от укола. Собравшись, всё-таки спросила у прохожего. Из Вашингтона автобус шёл в Нью-Йорк из нескольких мест. Ближний – с автостанции, которая находилась в миле.

Девушка не помнила, как добралась до автобуса, как прошла долгая дорога. Ей всюду мерещились огненные глаза Амины, её злое лицо. И в апартаментах Света не чувствовала себя в безопасности. Стационарный телефон почему-то отключился, а на старом сотовом оставалась небольшая сумма, не позволявшая позвонить домой, поговорить с мамой. Приближение

ночи отзывалось холодными мурашками на теле и тревожным стуком сердца. В пространстве зала уже поселился невидимый демон. Шепча, он точно воспалял мозг Светы, и она жгла себя мрачными унижающими мыслями рабыни, за которой вот-вот придёт хозяйка и накажет за непослушание. Но вскоре ею овладело равнодушие: криком и слезами делу не поможешь. Заявить в полицию... что она скажет? Как объяснит? Оставалось ждать и надеяться. Растерянная, сбитая с толку этими изнуряющими думами, она приняла душ и легла в постель.

Только смерклось, только выступило на небе множество серебристых точек, как послышался стук, нарастающий и навязчивый. Вернулся точно не Чарли: его тихий и робкий стук она узнавала безошибочно. Нутро Светы заняло в предчувствии, ноги подкашивались, мышцы потеряли силу, слегка кружилась голова. Появилась леденящая руки и ноги дрожь и – одновременно – возникла блуждающая в теле рабская сладкая теплота.

Она, краснея от замешательства, открыла медленно и отступила, опустив глаза. Вошло широкоплечее двуногое и красивое существо огромной воли. Оно сердилось, глядя пристально, с диким интересом, и, казалось, тоже замирало в ожидании. И мыслями своими, и силой, и телом оно принадлежало какому-то прекрасному огненному демоническому кругу, и от сознания этого становилось страшно и стыдно.

Ночь проходила долго.

Вторая проходка по Светиной татуировке корейцем Мау закрепила её навсегда. В знак преданности она обязалась носить этот красивый рисунок чёрной розы. На сей раз он зудел сильнее, без конца напоминал о роковой принадлежности.

– Держи, – Амина оставила на диване конверт. После ночного визита она обычно успокаивалась. Сбросив накопившиеся эмоции, подруга становилась спокойной и доброй. – Тогда я вспылила. Твои поделки разошлись вмиг. Половину забрала старуха, остальные так... взяли любители.

– Я тебе не верю, – ответила Света. – Ты отдаёшь свои деньги, выдумывая...

– Нет же, глупышка! – улыбнулась Амина наивно и добро. Сейчас она походила на ангела, который снизошёл на землю, чтобы одарить любовью, согреть холодное и сжатое сердце нуждающейся. Таким ласковым, умиротворённым было лицо подруги. На миг показалось, что она всегда будет такой добродушной и нежной. Амина лежала на диване и играла новым красивым кольцом, крутя им вокруг пальца. Кольцо с большим камнем удивительно шло к её глазам.

– Аминка, у тебя... мужчина есть? – после недолгого молчания неуверенно спросила Света.

Снова-таки с наивной улыбкой подруга обдумывала вопрос.

– Мне не нравятся мужчины, – отмахнулась она так свободно, словно вопрос касался какого-то элемента вечерней одежды. – Они – некрасивые и грубые.

– Ясно, – рассеяно отозвалась Света. Она глядела в открытое окно, и мысли её летали далеко.

Бежали, журча, по улице бурливые и светло-коричневые ручейки, пенясь вокруг небольших камешков гранита. Быстро вертя откуда-то прилетевший мусор, стремились в лужи. И в них отражались деревья и ясное небо с плывущими по нему круглыми белыми облаками. Теплело в США намного раньше, чем в Сибири. Весна здесь торопилась воцариться.

– Признайся, тебе нравится! – Амина, вскрыв конверт, шелестела купюрами, пытаясь привлечь внимание подруги. Лежала на диване, согнув правую ногу, и выжидала.

С крыш звонко сыпались капли. Воробьи, стаями обсыпавшие ветви, кричали возбуждённо, и в их крике слышалось приближение нового дня. Везде ощущалась радостная тревога жизни.

Амина ушла, разложив доллары по дивану, обещала сделать сюрприз. Последнее время она говорила о важной встрече, которую помогла

организовать та же старушка. Дела, в которых пропадала «Хозяйка Мафусаилова», касались карьеры обеих подруг. Амина не переносила сибирский автомобильный бизнес в Нью-Йорк, но с хорошей и пробивной компанией создавала новый. Казалось бы, что сюда привносить, в США: сферы заняты, места и земля – намертво оккупированы. Но Амина надеялась на мудрых предпринимателей японцев, с которыми часто виделась. Её надежда – не туманный воздушный замок, а мощная цель, способная реализоваться в короткие сроки.

Вернулся Чарли. Наконец-то. Парень много раз набирал номер Светланы, но связи не было. Светлана, по понятным причинам, не рассказала Чарли, куда подевался её телефон. Он даже подумал, что не увидит девушку больше. Придя с букетом алых роз, он был сам не свой. Оказалось, что отсутствие парня объяснялось хлопотами, связанными со смертью дедушки, который в своё время заменил ему отца. Да, отец бросил семью давно и точно потерялся, не звонил и не приходил ни на один день рождения сына. Молчаливый и разбитый, Чарли сидел и думал, опустив голову. Так и отец Светы тоже бросил семью. Ей бы кинуться и целовать Чарли, у них ведь одно несчастье, но девушку сковывало неожиданное стеснение. После долгого молчания говорил парень тихо и подрагивающим голосом. На работе не ладилось, по крайней мере, Света так поняла. Он вступил в другой этап жизни. Сейчас, вместе, темнокожий парень и русская светлая девушка чувствовали себя какими-то охладевшими осколками. Равнодушие и непривычность встречи после расставания держали их на расстоянии. Они находились в одной комнате и накопили бурю чувств, но не решались приблизиться, согреть друг друга. Но, как дети, они вскоре переключились с мрачной темы на отвлечённую. Света рассказала, что в городе быстро наступило тепло, что в Сибири даже в мае может выпасть снег. Помечтала, как было бы хорошо вместе поехать на Атлантическое побережье и покупаться. Света болтала и болтала без умолку, ей казалось, что замолчи

она, и в комнате снова поселится мрачная тишина, стену которой она едва ли сможет пробить.

Темнело. Чуть видные, точно намазанные сизой мутью облака внезапно скрыла чёрная туча с курчавыми краями. Малиново-жёлтое солнце клонилось за лиловевшие крыши дальних небоскрёбов. Алые лучи перемешивались с надвинувшейся тьмой. Сквозило нечто зловещее в этом смешении света и сумрака.

В открытое окно вливался поток свежего воздуха. Розы стояли в ведре за отсутствием вазы, их приятный, едва уловимый аромат, примешиваясь к похолодевшему воздуху, витал по комнате.

Чарли собрался уходить. Такой одинокий и грустный, он поплёлся вялой походкой по лестнице. У него не было зонтика, а дождь хлынул, застучав по оконным витражам. Блистали серебристо-синие молнии почти непрерывно, от раскатов грома дрожали стёкла. Никогда Света не слышала гром такой силы. Как глупо и наивно, если она попросит парня остаться. Сетуя на свою слабость, излишнюю робость, скривилась, как будто собираясь плакать. Но страстно напрягла волю и, с трудом построив немного безграмотное предложение, попросила его побыть рядом, пока не успокоится стихия. Чарли не заставил просить себя дважды, казалось, он сам мечтал остаться. Как груз с души свалился, она ощущала себя легко и великолепно. В объятиях крепких и горячих. Целую ночь. И плевать, что ночные раскаты грома и звонкий стук дождя не смолкали ни на минуту.

Утром, когда вдруг рано заявила странная, невероятно злая и неистовая, взбудораженная девушка с раскосым ледяным взглядом, парень понял: Светлану следовало забрать отсюда как можно скорей. Стоило Амине появиться на пороге, как Света потеряла дар самостоятельно принимать решения. Превратилась в жалкое и трепетавшее создание с бегающими виноватыми глазами.

– You can be free, – с нарастающим недовольством сказала Амина. И Света покорно кивнула, отвернувшись.

Чарли ушёл, и Амина будто озверела. Схватив подругу за плечи, толкнула на диван. Её раздражал добрый темнокожий гость, а ещё больше бесило то, что он прикасался к её «зайчонку» ночью.

– Ты плохая девочка! – выдавила Амина, блеснув злыми искрами в глазах, точно молниями. – Тебя следует наказать как прежде, но жёстче! Чтобы запомнила!

С ощущением холодных мурашек и колючего унижения Света принялась оправдываться. Язык едва слушался, а в теле уже снова разоружающая слабость.

Раздался стук в дверь. Открыли не сразу. Чарли привёл полицейского.

– Something wrong? – спросил сотрудник у Светы, покрасневшей и какой-то поглупевшей.

– No-no, – под пристальным осуждающим взглядом Амины она испугано замотала головой.

Предположение парня подтвердилось – любимой девушке нельзя общаться с этой бестией. Амина попросила полицейского выйти с ней на лестничный пролёт, о чем-то поговорила и вернулась. За ней снова вошёл полицейский:

– Sorry! – примирительно поднял руки. И приказал парню следовать за ним.

А в тёмных сверкающих глазах Амины и в уголках её растянувшихся губ Света увидела то радостное выражение, с каким дети смотрят на новую игрушку.

Света долго не могла заснуть после этих событий. Она хорошо запомнила странный сон, который пригрезился ей под утро. Обычно сны она помнила смутно, но этот явился почти с кинематографической чёткостью, проматывался медленно, словно о чём-то предупреждал. Света как будто находилась в стороне от происходящего там: отлично видела то, что разыгрывалось, как на экране, могла рассуждать, оценивать картину событий, даже предположить то, что можно изменить.

Посреди зелёно-оранжевой рощи на поляне одиноко стоял отчаявшийся странник. Приблизившись, Света узнала в темнокожем человеке Чарли. Он словно не видел девушку, рассеянно брёл к полуразрушенному бревенчатому домику, со всех сторон окружённому повалившейся изгородью. Света шла рядом с парнем, но он её не замечал.

Кругом – жёсткая трава, и в ней вязли ноги. Но ноги не Чарли, а чьи-то другие – знакомые, детские, беленькие. Чарли исчез. Небо вмиг стало грифельным. Пошёл дождь. Сквозь длинные иголки дождя вдали виднелись серые склоны гор, изрытые сине-серебристыми нитями стремительных горных речек, похожих на молнии. Горы казались далёкой страной фантазии, к осуществлению которой вели две тропинки. Света почему-то знала, что на одной из них ждал Чарли, а на второй... а кто на второй? Там не было Амины. Ни на машине, ни на дорогом мотоцикле. Присмотревшись, Света поняла, что вторая тропинка исчезла. Её место заняла слякоть болота, которая вела к туманным ущельям между пиками горных вершин. От напряжения голова девушки заболела. Чудилось, что сумасшедший демон забрался в сознание и перевирает реальность. Оставаться во сне было неудобно. Света проснулась и повернула голову. Головная боль не прошла, девушка принялась массировать виски. Как напоминание об Амине, на мятой простыне, обсыпанной лепестками алых роз, лежал большой цветной билет. На vip-зону. С напитками и телевизорами... Подруга принимала участие в гонке, которую устраивали японцы в честь начала нового этапа в бизнесе.

Света встала и прибрала разбросанные лепестки. От букета осталась одна целая роза. И та валялась под батареей.

Вечером, как только Света вернулась из «Мак Дональдса», пришёл Чарли. Парень переезжал в Канзас. В дом деда. Он настойчиво звал Свету с собой. Но Света не могла. Решила, что остаётся. Рассердившись, Чарли, назвал Амину скверными словами. Какое он имел право? Амина помогла ей поехать в США и, пусть не всегда, но навещает Свету, когда ей плохо. Всё-таки лучшая подруга. Да больше того. Парень и девушка не смогли понять

друг друга. Невидимая стена стояла между ними. Каждый знал, что зовётся стена – Аминой. Разговор не получился, все остались при своих интересах. Чарли, хлопнув дверью, ушёл. Много дней после этих событий она не видела его и скучала.

Настал день гонок – невероятно тёплый и ликующий. Снег, точнее, почерневшая наледь, оставался только в тёмных узких проулках с железными мусорными бочками. Весенняя тревога жизни ощущалась и в людях. Они переглядывались, улыбались, поблёскивая глазами, казалось, их начала волновать жизнь других – тех, кого они и не знали никогда.

На стадионе раздавался шум. Голосили зрители, изнывая от нетерпения. С пёстрыми флажками марок автомобилей и фамилиями гонщиков они пересаживались на свободные места то выше, то ниже, то с краю. Пили кока-колу из банок, встроенных в пластмассовые смешные шапки на головах. Неустанно интересовались, кто за кого и какое авто предпочитает. Стоило разойтись во мнениях, как оба болельщика начинали отстаивать свои точки зрения. Объяснять преимущества и недостатки марки машины, рассказывать что-то из истории. Крутить маленькими книжечками, на которых были нарисованы известные эмблемы: «BMW», «Audi», «Toyota»... Их язык становилось труднее понимать, когда они быстро и недовольно спорили.

Рабочие проверяли готовность автомобилей, заводили моторы, настраивали их звук. Около машин морально готовились участники. Обмениваясь огненными взглядами, напряжённо ожидали. Кто выкуривал по две и три сигареты, кто неистово глядел по сторонам. Всеми владело странное нетерпение.

Свету трясло и морозило, колотилось её сердце, гулко отдаваясь в голове. Вип-зона – небольшая огороженная площадка с удобными и мягкими сидениями, автоматом с бесплатными напитками и с мониторами, показывающими изображение всего круга. Тем хуже... она видела всё и переживала. Рядом на вип-местах расположились гости, ими тоже владело

возбуждение от предстоящей гонки. Ни минуты не могли они сидеть спокойно – интересовались, болтали.

– Си я... – не выдержав, соскочила Света.

Изящно облокотившись о дверь автомобиля, Амина разговаривала с японкой на высоких каблуках. Подруга волновалась, подёргивая руками, говорила какими-то глухими взрывами. Умолкала, словно в замешательстве, сверля пылающим взглядом окружающих, потом, будто бы доказывая, демонстрируя свой голос, лепетала без умолку, натянуто улыбалась. Японка, коротконогая женщина лет сорока, в тёмных очках, не сомневалась в успехе своей протее: это было заметно по спокойному выражению её лица. Костюм Амины, великолепный, как и она сама, бешено отливало на солнце всеми цветами, украшенный иероглифами и символами «Субару». Света оставила вип-ложу, пробралась к бортику трибуны и, насколько могла, громко прокричала сквозь рычание моторов:

– Аминка, я волнуюсь! – Свету не пустили к участникам гонки, остановили перед барьером. – Люблю тебя! – закричала она ещё, надорвав связки.

Услышав её, Амина перестала щебетать, как возбуждённый воробей. Медленно повернула голову. Искры любви и преданности горели в Светиных глазах. Опасность, наверное, чувствовала и Амина. Некоторое время подруга выглядела привычно: сурово и непоколебимо. Но потом, повернувшись к японке, сделалась растерянной. Компаньонка, похлопав по плечу Амины, попыталась её успокоить, но тут раздался голос ведущего гонки, приглашавшего участников на старт. Начинались соревнования.

Замерли зрители, усилился рёв моторов. Казалось, что машины ожили, и каждая редела, пытаясь напугать противника.

Света молилась за Амину, дрожала, зажимала кулачки. Просила всевышнего, чтобы помог исполнить мечту подруги.

На третьем круге, когда машина под номером «5» – «Субару» – врезалась в номер «7»... Светино сердце чуть не разорвалось. Сбежалась

шумная и растревоженная толпа, моментально приехала звонкая и противная «Скорая помощь». Время и события понеслись с такой дьявольской скоростью, что Света не помнила, как вернулась домой, разбитая, полураздавленная, словно жук на дорожке парка, с замутнённым сознанием. Через несколько дней она добилась, чтобы её пропустили в госпиталь, где лежала подруга. А что толку? Амина находилась в реанимации. Мучаясь, Света жила в ожидании чуда две недели. Только после перевода в обычную палату посещение Амины стало возможным.

Сдерживая прерывистое дыхание, Света вошла к ней. Амина спала – слегка вздымалась её грудь под бледно-синей тонкой рубашкой. Глаза подруги впали, нос заострился, на щеках пролегли тёмные морщины ожога. Повязки покрывали руки девушки. Ноги потерялись под гипсовыми оковами. Такой слабой и маленькой казалась теперь её гордая изящная шея. Безобразная тень тронула осунувшееся лицо Амины. Смотреть на неё было больно. Света решила заговорить, разбудить её немедленно, услышать её голос и понять, что сильная, волевая Амина не исчезла и после страшной трагедии. Слова выходили глухими и скомканными. Она села рядом, продолжала упавшим голосом, рассказывала и рассказывала невесть о чём, мычала от боли собственного бессилия. Света поймала себя на мысли, что говорит по-английски. Зачем? Перейдя на русский, девушка заговорила быстрее. Прочитала известную ей молитву «Отче наш».

Амина проснулась, раскрыла глаза, пусто и равнодушно глядела в потолок. Наконец, подушка зашуршала – она чуть-чуть повернула голову. По движению в глазах, Света поняла, что её узнали.

Едва удерживаясь от рыданий, Света заговорила обрывающимся, задушенным голосом:

– Аминка, солнышко моё, почему? Выздорови, стань, как прежде. Обещаю, буду слушаться.

Из глаз Светы текли слёзы, собираясь на подбородке. Она гладила подругу по волосам, неровному от заживающих ссадин лбу, кое-где зелёному

от раствора, трогала руки в надежде ощутить в них былую силу. Амина, словно очнувшаяся после столетнего забвения из лучшего и сияющего, как ранняя весна, мира, протянула шёпотом с очаровательно-нежной грустью:

– Све-та... – в безмятежной зыбкости произнесла она. Ей было трудно смотреть, слезились глаза, она щурилась, как слепая. Говорила Амина с трудом. Бормотала непонятное, спрашивала бессмыслицу, без конца закрывая и открывая глаза. Подруга то приходила в себя, то вновь проваливалась в мир грёз.

Казалась, вот-вот послышится решительный голос прежней Амины, она резко поднимется, засветятся потаённой силой её глаза, красиво уложит подбородок на составленные ладони и скажет, что недовольна Светой...

Зашедший в палату доктор попросил посетительницу удалиться: пациентке нужен отдых, скоро придут её родители, которые ещё неделю назад прилетели в Штаты.

Света возвратилась домой. Тело трясло, перед глазами плавала серая муть, жутко хотелось спать. Провалившись в сон, Света увидела продолжение странного видения, начавшееся с момента потери второй тропинки. Дорожка, которая была теперь вполне видна, вела далеко в горы, по ней гордо шла Амина, оборачиваясь, весело махала рукой и улыбалась. Когда Света попыталась бежать за подругой, та резко обернулась и предупредительно погрозила пальцем, отмашкой руки отправила её на другую дорожку и вновь пошла в горы. Света не рискнула послушаться Амину и перешла на тропинку, ведущую к Чарли. Проснувшись мокрой от слёз. Не дожидаясь приёмного часа, кинулась в госпиталь.

Амину снова перевели в реанимацию: неожиданно ей стало плохо. В приёмной Света встретила маму Амины и её отца. Плача, тётя Галия, сообщила, что в госпитале почему-то не оказалось необходимой крови. Третья группа, резус отрицательный. Дорога каждая минута, и, пока приедет контейнер из банка крови, может случиться непоправимое. Кровь родителей не подойдёт, сказали врачи: анализ выявил наличие каких-то антител. Тётя

Галия не смогла ничего толком объяснить, только рыдала и качала в бессилии головой. Амине становится хуже с каждой минутой. Ничем не поможешь! Силы мгновенно оставили Свету, она буквально рухнула в кресло. Теперь плакали они обе. Отец Амины и не пытался успокаивать женщин. Он тихо сидел рядом, уставившись в стену напротив, где висел плакат с чем-то ярким и жизнеутверждающим.

«О чём он думает?» – промелькнуло в мозгу у Светы. – «Как он может оставаться таким спокойным? Где немедленно взять кровь нужной группы? Стоп!» – внезапно всё происходящее вокруг задвигалось, словно кадры при замедлении. Снующий персонал странно, еле-еле перебирал ногами, звуки доносились как из-за толстой перегородки, – Свете почудилось, что она видит движение света, струящегося из огромного окна. – «Третья группа, резус отрицательный. Это – моя кровь!»

Перед поездкой в Америку они сдавали анализ, и оказалось, что у них удивительно одинаковый результат: совпали и группа, и резус. Амина тогда засмеялась, пошутив, что Света списала у неё очередную контрольную работу.

Слёзы высохли мгновенно. Девушка потребовала срочно пригласить врача. Не дожидаясь его появления, двинулась в сторону кабинета... Остальное – дело медиков.

Через несколько дней Света взяла расчёт в нью-йоркском «Мак Дональдсе» и ехала на автобусе в Канзас.

Она сидела возле окна, думала о выздоравливающей Амине, о том уроке географии, посвящённом Америке, в начальной школе, и о своей маме, которой долго не звонила. Глядела на блестящие чистотой витрины магазинов, на большие пёстрые вывески риэлтерских контор, банков и закусочных. Грезилась, что, наконец, в Канзасе начнётся новая жизнь.

Прощай, Нью-Йорк, прощай, юность!